

Volume 11/2012

Comparative Legilinguistics

International Journal for Legal
Communication

Institute of Linguistics
Faculty of Modern Languages and Literature
Adam Mickiewicz University
Poznań, Poland

**INSTITUTE OF LINGUISTICS
LABORATORY OF LEGILINGUISTICS**

www.lingualegis.amu.edu.pl

lingua.legis@gmail.com

KOMITET REDAKCYJNY/EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Aleksandra Matulewska

Co-editor: Karolina Kaczmarek

Sekretarze/Assistants: Swietlana Gaś, Karolina Gortych-Michalak, Joanna Grzybek,
Joanna Nowak-Michalska

External Members of the Editorial Board

Łucja Biel, PhD, University of Gdańsk, Poland

Christos Bintoudis, PhD, Greece/Poland

Susan Blackwell, PhD, University of Birmingham, UK

Sheng-Jie Chen, PhD, National Taiwan University of Science and Technology, Taiwan

Ewa Kościalkowska-Okońska, PhD, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

Professor Larisa Krjukova, Tomsk State University, Russia

Artur Kubacki, PhD, University of Silesia, Katowice, Poland

Professor Lavinia Nădrag, Ovidius University, Constanța, Romania

Professor Natalja Neťšunajeva, Public Service Academy, Estonia

Kiriakos Papoulidis, PhD, Greece/Poland

Professor Fernando Prieto Ramos, ETI, Université de Genève, Switzerland

Professor Judith Rosenhouse, Swantech - Sound Waves Analysis and Technologies, Ltd. (before
retirement: Technion I.I.T., Haifa, Israel)

Section editor: Joanna Nowak-Michalska

Linguistic editors: Jamila Oueslati for Arabic and French, Ya Nan Zhang for Chinese, Colin
Phillips for English, Karsten Dahlmanns for German, Agnieszka Domagała and Piotr Wierzchoń
for Polish, Swietlana Gaś for Russian, Eva María Rufo Sánchez-Román for Spanish

Technical editors: Karolina Kaczmarek, Joanna Nowak-Michalska

Adres Redakcji/Editorial Office

Instytut Językoznawstwa

Pracownia Legilingwistyki

Al. Niepodległości 4, pok. 218B

61-874 Poznań, Poland

lingua.legis@gmail.com

Wydanie publikacji dofinansował Instytut Językoznawstwa

Czasopismo znajduje się na liście Ministerialnej czasopism punktowanych z 2012 roku
z liczbą 8 punktów.

The issue has been published with financial grant from the Institute of Linguistics, Poland.

Copyright by Institute of Linguistics

Printed in Poland

ISSN 2080-5926

Nakład 100 Egz.

Redakcja i skład: Pracownia Legilingwistyki

Druk: Zakład Graficzny Uniwersytetu im. A. Mickiewicza

Table of Contents

Preface	5
ARTICLES	
1. Legal terminology and related issues	7
Ewa KOŚCIAŁKOWSKA-OKOŃSKA (Poland) Translating Medical Texts for Legal Purposes: a Growing Challenge for Court Translators and Interpreters	23
Filip RADONIEWICZ (Poland) Implementation of Framework Decisions Regarding Substantive Criminal Law into the Polish Legal Order – Selected Issues	39
Jitka MICHÁLIKOVÁ (Czech Republic) Модернизация подготовки украинистов в Брненском Университете [Modernization of Education for Students of Ukrainian Language at Masaryk University in Brno]	47
Oxana GAZDOSOVA (Czech Republic) Первый чешско-украинский юридический словарь [The First Czech-Ukrainian Legal Dictionary]	55
2. Sworn translators and Interpreters	71
Katarzyna LITWIN, Kateryna KUZMINA (Poland) Влияние законодательства первой половины XX века на современное регулирование прав и обязанностей присяжного переводчика в польше [The Impact of Legislation from the First Half of the 20 th Century on Rights and Duties of Sworn Translators in Poland]	
3. Reviews	
Davide Simone GIANNONI and Celina FRADE (eds), <i>Researching Language and the Law. Textual Features and Translation Issues</i> . Linguistic Insights 121. Studies in Language and Communication. Peter Lang. Review by Aleksandra MATULEWSKA	

Spis treści

Wprowadzenie	5
ARTYKUŁY	
1. Terminologia prawna i zagadnienia powiązane	7
Ewa KOŚCIAŁKOWSKA-OKOŃSKA (Poland) Przekład tekstów medycznych jako rosnące wyzwanie dla tłumaczy przysięgłych	
Filip RADONIEWICZ (Poland) Implementacja decyzji ramowych dotyczących prawa karnego materialnego do polskiego porządku prawnego – zagadnienia wybrane	23
Jitka MICHÁLIKOVÁ (Czech Republic) Reforma kształcenia studentów filologii ukraińskiej w Uniwersytecie Masaryka w Brnie	39
Oxana GAZDOSOVA (Czech Republic) Pierwszy czesko-ukraiński słownik prawniczy	47
2. Tłumacze przysięgli	55
Katarzyna LITWIN, Kateryna KUZMINA (Poland) Wpływ ustawodawstwa pierwszej połowy XX wieku na współczesne uregulowanie praw i obowiązków tłumacza przysięgłego w Polsce	
3. Recenzje	71
Davide Simone GIANNONI and Celina FRADE (eds), <i>Researching Language and the Law. Textual Features and Translation Issues</i> . Linguistic Insights 121. Studies in Language and Communication. Peter Lang. Recenzja Aleksandry MATULEWSKIEJ	

Preface

This volume of *Comparative Legilinguistics* contains five articles. Four of them refer to terminology in legal texts and one deals with the impact of law on rights and duties of sworn translators in Poland.

The first one written by Ewa KOŚCIAŁKOWSKA-OKOŃSKA (Poland) titled *Translating Medical Texts for Legal Purposes: a Growing Challenge for Court Translators and Interpreters* focuses on the problem of specialized terminology in court interpreting. The author investigates difficulties connected with the need to translate and interpret not only legal language but also other LSPs in court-room settings with limited access to information sources (including dictionaries).

Filip RADONIEWICZ (Poland) (*Implementation of framework decisions regarding substantive criminal law into the Polish legal order – selected issues*) touches upon the cooperation of the states of the European Union within the III pillar of the EU with the main focus on the implementation of the Framework Decision of the Council of 2002/475/JHA of 13th of June 2002 on combating terrorism and the Framework Decision of the Council 2002/629/JHA of the 19th of July 2002 on combating trafficking in human beings.

Jitka MICHÁLIKOVÁ (Czech Republic) in her paper titled *Modernization of education for students of Ukrainian language at Masaryk University in Brno* presents Ukrainian Studies offered at the Department of Slavonic Studies at the Faculty of Arts, Masaryk University in Brno. The author discusses the course “Ukrainian Language in the Domain of Law” and other activities related to the language of law (including Ukrainian-Czech terminology seminars in co-operation with the Chamber of Court Appointed Interpreters and Translators of the Czech Republic and legal translation workshops).

The article of Oxana GAZDOSOVA from the Czech Republic (*The First Czech-Ukrainian Legal Dictionary*) deals with Halyna Myronova and Oxana Gazdosova’s *Czech-Ukrainian Legal Dictionary (Česko-ukrajinský právnický slovník)* which was published in 2009. The co-author of the dictionary shares her reflections on the problems encountered while compiling the dictionary.

The next section contains only one paper by Katarzyna LITWIN and Kateryna KUZMINA (*The Impact of Legislation from the First Half of the 20th Century on Rights and Duties of Sworn Translators in Poland*) dealing with the first legal regulations of the profession of sworn translators in Poland. The attention of the authors focused on the impact of first legislation on two modern statutory instruments regulating the rights and duties of sworn translators and their remuneration.

The last text in the volume is a review of the book edited by Davide Simone GIANNONI and Celina FRADE titled *Researching Language and the Law*, issue 121 of the series *Linguistic Insights* edited by Maurizio Gotti and published by Peter Lang.

The editors hope that this volume of our journal will be of interest to its readers.

TRANSLATING MEDICAL TEXTS FOR LEGAL PURPOSES: A GROWING CHALLENGE FOR COURT TRANSLATORS AND INTERPRETERS

Ewa KOŚCIAŁKOWSKA-OKOŃSKA, PhD

Department of English
Nicolaus Copernicus University, Toruń
Fosa Staromiejska 3
87-100 Toruń
ewako@umk.pl

Abstract: Medical translation has been an area of an increased growth in the demand for translation services. It is considered to cover an extensive variety of genres, starting from hospital discharge reports, epicrisis, specialist articles in medical journals, patient information leaflets (PILs) or instructions for use (IFU). It also has entered the area of activity of court translators due to e.g. migration or Poland's membership in the EU and resultant EU-law implementation procedures (i.e., implementation of the Medical Devices Directive 93/42/EEC) and commercialisation of medical devices, thus generating the need to deal with an array of texts from the entire realm of various fields of medicine, and related disciplines (pharmacy, pharmacology, biology, etc.). Court translators are therefore facing difficulties and at the same time challenges, among which most important are the lack of medical knowledge, medical terminology (including acronyms and abbreviations) or medical phraseology in general. This entails the development of a new professional approach towards proceeding with such tasks, and requires constant improvement of skills and knowledge as well as special competencies that might be of help for translators (for this reason the notions of professionalism and translation competence shall be briefly elucidated). The focus of the article is placed on translation of medical texts seen from the point of view of translators and the purpose of translation, and not from the perspective of users, thus the approach is translator-centred.

PRZEKŁAD TEKSTÓW MEDYCZNYCH JAKO ROSNĄCE WYZWANIE DLA TŁUMACZY PRZYSIĘGLYCH

Abstrakt: Przekład tekstów medycznych obejmuje cały szereg różnego typu tekstów, takich jak wypisy szpitalne, epikryzy, artykuły naukowe w czasopismach medycznych, ulotki informacyjne dla pacjenta (PILs) czy też wskazówki dotyczące stosowania leku (IFU). Wkracza również w sferę zainteresowania zawodowego tłumaczy przysięgłych z racji takich czynników jak np. migracja obywateli lub członkostwo Polski w UE i wynikające z tego procedury implementacji prawa unijnego do polskiego oraz wprowadzania wyrobów medycznych na rynek. Tłumacze przysięgli z konieczności więc mają do czynienia z całym szeregiem tekstów z różnych dziedzin medycyny (oraz dziedzin pokrewnych, takich jak np. farmakologia czy biologia). Trudnością i jednocześnie wyzwaniem dla tłumacza w takiej sytuacji stają się: brak wiedzy medycznej, problemy ze znajomością terminologii medycznej (oraz wszechobecnymi skrótami i skrótowcami) czy ogólnie pojętego dyskursu medycznego. Pociąga to za sobą rozwój nowego profesjonalnego podejścia do tłumaczenia takich tekstów jak również specyficznych kompetencji (dlatego w artykule pokrótce wyjaśnione zostaną pojęcia takie jak profesjonalizm i kompetencja). Podejście zaprezentowane w artykule będzie podejściem zorientowanym na tłumacza.

Introduction

Court translators (certified sworn translators) in Poland now face a new, and still growing, challenge: translating medical texts (and texts from medicine-related disciplines). Obviously, medical translation has a long and admirable history, discussed e.g. in Fischbach 1998 or McMorrow 1998 (these authors give historical insights into the development of the discipline). The focus here shall be laid on the extent to which court translators are to be professionally concerned with medical translation, on features that make medical texts so specific and challenging; also, some implications addressing competences necessary for successful performance of this difficult task shall be presented.

The new task awaiting court translators is an entire bulk of various documents; the necessity to translate those documents stems from Poland's membership in the European Union and, what follows, from the obligation to implement the EU law (e.g. Medical Device Directive 93/42/EEC); also, substantial migration of Poles to other countries is the factor of relevance. The global market trends refer also to medicine and related fields (such as research and experiments) in a variety of disciplines, for instance, pharmacology, biology, etc.; documentation (if it is to be validly applied on the market and if national legal provisions are to be observed) pertaining to the research must be translated by court translators. Those documents cover the following: death certificates, hospital records, discharge reports, test and examination reports, documentation concerning medical devices such as instructions for use, product registration, patient information leaflets (PILs), or clinical trial protocols. It seems impossible to enumerate absolutely all types of medical texts that are translated; the list given, although short for reasons of space, nevertheless shows the multitude of tasks for court translators.

As mentioned above, medical translation is necessary for both legal and market-related reasons. Legal requirements cover all commercialised medicines with the approval of the Federal Drug Agency or the European Medicines Agency. Additionally, as Poland is one of EU member states, the entire legislation must be translated into Polish. This includes all EU directives: medicine and related fields are concerned mostly with the Medical Device Directive, In Vitro Diagnostics Directive, Active Implantable Device Directive, or Human Medicines Directive. Obviously, these directives do not have to be translated by court translators, as translating these documents lies within the scope of responsibilities of translators working for the European Commission and the European Parliament. Yet, court translators are 'summoned' when it comes to translating medical documentation for natural persons that is necessary for administrative purposes (e.g. death certificates, hospital records, discharge reports, examination results, etc.) and for corporate bodies that are functioning on the European market and for that reason – to commercialise their products – they need declarations of conformity, instructions for use, EC design examination certificates, etc. These documents can be also used in a variety of legal and court settings, for instance, as evidence in a civil or criminal procedure (forensic examinations, autopsy protocols), as reports from external experts on a given issue, during arbitration proceedings, or cases connected with patent and copyright law, etc. This is where the court translator's responsibility starts and possible problems may

emerge while dealing with a variety of texts (and genres). Those problems seem to derive from the very specificity of the language used in those texts, and those specific features shall be briefly discussed below. The analysis of problems shall follow the English-into-Polish translation direction (with translation into one's mother tongue recommended by international institutions, EU inclusive).

The material corpus embraces the following types of medical texts:

- (i) hospital records (5 in total),
- (ii) discharge reports (6 in total),
- (iii) test and examination results (13 in total),
- (iv) research articles (6 in total),
- (v) instructions for use (11 in total).

The above texts (41 in total) were translated by the author herself between January and June 2011. Translations were commissioned by natural persons (hospital records and discharge reports to be used for treatment abroad as well as, in 3 cases, for the purpose of enforcement of maintenance). Test and examination results, research articles and instructions for use were commissioned by corporate bodies doing their business in- and outside the EU. Examples were extracted from the texts (during the stage of translation proper; extracted examples in English are duly provided with their Polish relevant counterparts) with the aim of demonstrating potential problems that all translators may face. The first group of examples refers to the influence of Greek and Latin on medical terminology in English; the second group is concerned with 'mixing' ordinary and specialist language, whereas the third (quite frequently the most troublesome group) shows the overwhelming presence of acronyms and abbreviations in medical language.

Problems in medical translation

The ability to understand medical language is the absolute prerequisite for performing the translation task. Obvious as it may seem since comprehension in general is the key foundation of translation, the purpose (purpose is understood here as the general purpose of translation: to transfer information from the source language text into the target language text and shall not be in any way linked with the functionalist perspective) in medical translation is naturally different from the one in literary translation. The priority of the translator while translating medical texts is transferring the complexity of the original, embracing both complex terminological content as well as form with certain features typical of technical (scientific) texts in general. From the traditional perspective, medical language was perceived similarly to other types of scientific language as neutral, objective, and its function was to convey information only, without any references to culture or ideology. This resulted in a relatively impersonal, neutral and uniform style (see also Resurrecció 2007).

The English medical language is in great majority founded on terminology that is constructed out of roots, prefixes, suffixes of Greek or Latin origin. Examples of such prefixes include: pre/ante- (before, e.g. preoperative), endo- (inside, e.g. endothelial), epi- (above, e.g. epigastrium), hyper- (excessive, above, e.g. hyperactive), hypo- (decrease,

below, e.g. hypoglycaemic), mal- (bad, e.g. malfunction), peri- (around, e.g. peritoneal), post- (after, e.g. postnatal), sub- (below, e.g. subdural) or super- (above, e.g. supersensitive). Suffixes embrace such terms as: -algia (painful, e.g. neuralgia), -asthenia (weakness, e.g. myasthenia), -ectomy (removal, e.g. hysterectomy), -itis (inflammation/infection, e.g. otitis), -gram (picture, e.g. cardiogram), -orrhoea (flow, e.g. diarrhoea), -pathy (disease, e.g., discopathy), -plasty (surgical repair, e.g. angioplasty), -sclerosis (abnormal hardening, e.g. arteriosclerosis) or -stenosis (narrowing, e.g. arteriostenosis). Terminology relying on Greek and Latin is one of the features of medical language and poses difficulties for the translator (for the discussion on translation problems related to Latin and Greek roots and stems see van Hoof 1998).

Another problem are synonyms that frequently stem from the usage of both ordinary and specialist language; this occurs quite often in e.g. discharge reports or hospital records. Synonyms differ due to the fact that a variety of reasons – of historical, descriptive or anatomical nature – gave rise to a range of equivalent names in use. An example here might be the Heine-Medin disease i.e. ‘acute anterior poliomyelitis’; historically, it was translated into Polish as ‘choroba Heine-Medina’ or ‘choroba Heinego-Medina’. With time, it has started increasingly frequently been referred to as ‘polio’, which is an abridged form of ‘poliomyelitis’. At present, the form ‘choroba Heine-Medina’ would be perceived as anachronistic and obsolete. It should be emphasised that, considering the wide range of synonyms used, consistency in translation should be treated as priority, otherwise the purpose, for which translation is to be used, may not be achieved. The abovementioned ‘mixture’ of ordinary vs specialist language, with examples such as ‘stomach’ for ‘abdomen’, ‘bowel’ for ‘intestine’, ‘collar bone’ for ‘clavicle’ or ‘neck vein’ for ‘jugular vein’ are the daily bread for translators who must be careful to retain appropriate register and rather resist the temptation to use ordinary language – which is more understandable for laymen – while translating medical documentation.

The usage of synonyms is further enhanced by eponyms, i.e., terms adapted from names of scientists or physicians (van Hoof 1998). Van Hoof further distinguishes between two types of eponyms. This division depends on the fact whether the proper noun is retained to refer to a disease (e.g. Down’s syndrome/ zespół Downa, Graves-Basedow disease/ choroba Graves-Basedowa, Alzheimer’s disease/ choroba Alzheimer’a) or an anatomical notion (islets of Langerhans/ wyssepki Langerhansa), or whether the proper noun gave rise to another proper noun, which is the case of e.g. parkinsonism/ parkinsonizm.

One of typical features of medical language is the ubiquitousness of abbreviations and acronyms which pose another big challenge for the translator, especially due to multiplicity of potential meanings. Commonly accepted definitions see abbreviations as shortened forms of words (or phrases), usually not capitalised, whereas acronyms are constructed out of word strings of capitalised syllables or, mostly, initial letters. Therefore, as Kasprowicz (2010) rightly suggests, they are governed by different grammatical rules and thus cannot be confused. Abbreviations and acronyms have a general tendency to occur in specialist scientific language, and the tendency to use them in medical language seems to result from economic reasons to save time and space (see

van Hoof 1998). Moreover, physicians attempt at not disclosing the real meaning of what they say or write, thus making the language hermetic and understood only by professionals. Thus the content of e.g. discharge reports or epicrisis is beyond comprehension of patients or persons not directly involved in the profession; this may be of relevance for ethical reasons (see Kasproicz 2010). Therefore, the majority of medical texts are full of abbreviations or acronyms that are not explained as they belong to the 'lexicon' of medical professionals (that cover term embraces physicians, dentists, nurses, or paramedics, see O'Neill 1998), and acronyms are so widely known and applied that no need exists for putting them in their full form. It is nicely reflected in two examples, and the phenomenon is typical of both Polish and English medical language in names of diseases: 'obstructive sleep apnoea' becomes 'OSA' and 'obturacyjny bezdech senny' is 'OBS' respectively; the same happens with 'chronic obstructive pulmonary disease' becoming 'COPD' and the mechanism in Polish stays the same, with 'przewlekła obturacyjna choroba płuc' becoming 'POChP'. On the other hand, one cannot ignore the fact that full names of diseases or chemical compounds would severely damage effective communication and understanding of the text, thus acronyms and abbreviations substantially add to the precision, accuracy, clarity and brevity of the text. Yet, the excessive use of acronyms and abbreviations without any explanations given renders the text, for less experienced translators that do not specialise in translating medical texts, unclear and ambiguous, especially considering the fact that in many instances one shortened form may denote a number of terms. An example of relevance here would be an acronym 'CF' which may stand for (examples below were found in the material corpus):

- (i) cardiac failure,
- (ii) Christmas factor, factor IX,
- (iii) chromosomal fraction,
- (iv) citrovorum factor (folinic acid),
- (v) coagulation factor,
- (vi) complement fixation,
- (vii) coronary flow,
- (viii) cystic fibrosis,
- (ix) central filling,
- (x) centrifugal force,
- (xi) continuous focusing

and all of the above are applied in medical language. The context is therefore the key determinant of meaning.

Another example of this kind is 'MA' which may denote the following terms (examples below were found in the material corpus):

- (i) maleic anhydride,
- (ii) malignant angioendotheliomatosis,
- (iii) malonaldehyde,
- (iv) medical adviser,
- (v) Medical Assistance,

- (vi) Medical Authority,
- (vii) membrane antigen,
- (viii) mental age,
- (ix) mental atalia,
- (x) mento-anterior,
- (xi) metabolic activity,
- (xii) metabolic analyser,
- (xiii) meter angle,
- (xiv) methamphetamine,
- (xv) methoxyadrenaline,
- (xvi) mitotic apparatus,
- (xvii) monoarticular arthritis.

The multitude of meanings requires from the translator a deep and thorough insight into the text and its context. Without the knowledge of the context and the knowledge of the subject matter the translator is going to feel at a loss, or at least uncertain, which obviously leads to deficient translation.

Due to the global effect of English and its *lingua franca*-role in specialist communication (including medical texts), English acronyms and abbreviations tend to occur increasingly frequently in test results, hospital records, discharge reports or epicrisis produced in Polish hospitals and healthcare institutions by Polish physicians. A bulk of those shortened forms are of international use, and we can observe nowadays a systematic replacement of once national terms for English ones.

It is perfectly reflected in blood test results where in Polish the blood cell count is, in majority of cases, presented with the use of English acronyms such as WBC (white blood cells), Hgb (haemoglobin), RBC (red blood cells), PLT (platelets), MCT (mean corpuscular thickness), MCHC (mean corpuscular hemoglobin concentration), HCT (hematocrit), etc. In discharge reports CRP (C reactive protein) is given mostly not as 'białko C-reaktywne' but rather as either 'CRP' where the whole acronym is copied, or as 'białko CRP' where the word 'protein/białko' is repeated. The same mechanism can be observed in the usage of CSF (cerebrospinal fluid): it frequently appears in Polish documents as CSF (e.g. in a phrase noticed in a hospital record saying 'duża ilość CSF w przestrzeniach wewnątrzczaszkowych') or 'płyn mózgowo-rdzeniowy'. For reasons of space, the natural choice will be made to the benefit of the acronym, but this is yet another example how English suppresses Polish. The same tendency refers to 'HBV'/'HCV' denoting 'hepatitis B/C virus' which in Polish stays the same or is given in its full (though less spatially economic) form of 'wirusowe zapalenie wątroby typu B/C' or a shortened form ('WZW typu B/C). Another example concerns computer imaging when MRI ('magnetic resonance imaging'/'rezonans magnetyczny') is not translated, no equivalent for the examination is being given but it is more frequently used in its English form, e.g. 'w badaniu MRI' instead of a longer name in Polish; further, 'DNR' ('do not resuscitate') is not translated into Polish but referred to as 'protokół DNR'.

Examples such as 'abd HE', which stands for 'abdominal hysterectomy', show how intricate, to say the least, medical language may be, and how extensive subject

matter knowledge and competence is required to decode the context-related meaning of acronyms and abbreviations. Moreover, the translators may face another set of problems related to the quality of the source text such as ambiguities, wrong lexical choices, typing errors that change the meaning of the phrase or term (e.g. 'arthritis' vs 'arteritis', 'ureteritis' vs 'urethritis'; 'milligram' (mg) vs. 'microgram' (μ g) sometimes, although incorrectly, abbreviated also as 'mg').

Irrespective of the quality of the source text (or its potential deficiencies) or severe time constraints imposed on the translator by the person or institution commissioning the translation (that quite frequently seem to disregard the fact that professional and high quality translation needs ample time), the first and foremost aspect to be discussed is the competence of the translator. S/he is to be not only a language expert but also a person responsible for the final product of the translation process: a text that is comprehensible, accurate and adequate in terms of terminology applied. The examples of terms or phrases provided above can be multiplied *ad infinitum*, yet the question remains to be asked: what kind of competence is necessary for the translator to perform the task successfully and to produce high-quality translation. To answer this question, a brief insight into the concept and models of competence that could be of relevance for medical translation seems to be in order.

Translation competence

Initially, the problem emerges if one tries to delineate the terminological limits of general translation competence to be possessed by translators. Descriptive terms occur in ever increasing numbers since competence was referred to as 'transfer competence' (Nord 1991), 'translator competence' (Király 1997), 'translational competence' (Toury, 1995), and even 'translation performance' (Lörscher 1991). For the purpose of this article translation competence shall be perceived as an expert-like type of knowledge in a given area combined with necessary experience. If we analyse reference sources, then the implicitness of the nature of translation competence comes into the fore as one precise, accurate, unambiguous – and short – definition is hard to be found. Instead, what the sources seem to suggest are increasingly longer lists of either potential factors affecting the operation of translation competence or componential models. Those componential models embrace ideas put forward by e.g. Bell (1991), Hansen (1997), Hatim and Mason (1997), Neubert (2000), Risku (1998) and Nord (1991), and the PACTE group (cf Beeby 2000). The models distinguish between various types of operating translation competencies (or even subcompetencies) that address linguistic, extra-linguistic, transfer, strategic or cognitive domains. The focus of our considerations shall be the definition propounded by the PACTE research group since, in contrast to other models based on theoretical and idealised conditions, it relies on the entire triangulated body of underlying research. Thus translation competence is perceived as the ability to translate derived from the underlying system of knowledge and skills.

The PACTE model

The PACTE model appears to encompass the most extensive area of domain-related operation of translation competence: source and target language communicative competence, extra-linguistic competence, transfer competence, instrumental competence, strategic competence and psychophysiological competence. The model is the ‘final product’ of a series of empirical research that was started in 1998 (Beeby 2000) and postulates that translation competence is a system of knowledge indispensable for translation that has four key properties:

- (i) the knowledge is an expert-like type, and *ex definitio* is not possessed by all bilingual persons (but see the notion of ‘native translator’, Toury 1995; also Harris and Sherwood 1978),
- (ii) this knowledge is rather procedural (i.e., related to knowledge stored as procedures, rules and strategies) than declarative (which is related to knowledge stored as patterns, cf Sternberg 1999),
- (iii) the knowledge relies on a range of interrelated (sub)competencies,
- (iv) procedural knowledge is substantially affected by strategies.

The PACTE model of translation competence is constructed of five (sub)competencies and psychophysiological components. Bilingual (sub)competence covers pragmatic, sociolinguistic, textual and lexical-grammatical knowledge in any language. Extralinguistic (sub)competence consists of encyclopedic, subject matter and cultural knowledge (embracing source and target language culture). Instrumental (sub)competence denotes the ability to use documentation sources and information technologies applied in translation performance. Translation (sub)competence refers to the knowledge of translation principles (processes, procedures, methods, etc.) as well as professional ethics (types of briefs, translation users). The model stresses the key role played by strategic (sub)competence which enables the process of problem solving and is responsible for the efficient operation of the entire translation process. The working of strategic (sub)competence is revealed in the planning stage of the process and connected with a specific (commissioned) translation project, evaluation of this project as well as assessment of partial results. A range of (sub)competencies and compensation techniques is activated, translation problem areas are identified and effective ways of solving those problems are applied. The psychophysiological components comprise cognitive factors such as memory, personality features, attention, creativity, etc. There seems to be a general concord among researchers as to the selection of (sub)competencies typical of the operation (and manifestation) of translation competence: these are strategic, instrumental and translation knowledge (sub)competencies. A crucial result of this long-term research (first pilot tests were performed as early as in 1998) was a stipulation that the expert knowledge of translators to a substantial extent determines both the process and the product of translation, and translation competence is thus reflected both in the process and in the product (PACTE 2009, 209). In the data collection process five types of instruments were applied:

- (i) Texts and translations: subjects had to translate two texts (the first from a foreign language into their mother tongue, and vice versa).
- (ii) Translation protocols: commercial software programs PROXY and Camtasia were used to record translation protocols (for more information about the software see PACTE 2009).
- (iii) Direct observation: one researcher was observing directly each experiment subject during the translation process, and was also taking notes to provide for the data that could not be recorded.
- (iv) Questionnaires: three types of questionnaires were applied. An initial questionnaire was prepared to verify whether all candidate subjects meet relevant criteria, the second questionnaire addressed translation problems encountered while translation; finally, the aim of the questionnaire on knowledge about translation was to find whether subjects had any knowledge of translation.
- (v) Retrospective interviews: retrospective interviews were conducted to see the correlation between information in the questionnaire on translation problems and ways in which those problems were successfully solved.

The PACTE model can be, to quite an extent, applied empirically since it refers to features characteristic of a professional translator (in contrast to aforementioned lists of components, potentially vital for the operation of translation competence, that one needs to acquire in order to become a professional). The focus on the function the translation is to perform is also nicely reflected in the PACTE's approach that views translation as a "communicative activity directed towards achieving aims that involves taking decisions and solving problems, and requires expert knowledge" (PACTE 2003, 44). We could therefore hypothesise that a professional translator is to possess all the (sub)competencies enumerated, yet the knowledge of the subject matter is not that extensive. In contrast, a medical professional – if s/he were to translate a text – is bound to have extensive knowledge of the subject matter thus ensuring precision and accuracy of the text translated (cf O'Neill 1998). His or her bilingual (sub)competence is not that extensive as in professional translators, which is obvious since medical professionals do not naturally possess translation (sub)competence. This might result in translation problems such as literal translation (cf e.g. Askehave and Zethsen 2002), thus making the text incomprehensible. Medical professionals also seem to lack translation experience and skills (for obvious reasons of having worked as practicing medical professionals, and not as practicing translators), and that is another factor contributing to the potential problem with the quality of the final product of the translation process.

While discussing translation competence one cannot ignore another aspect vital for translation performance which is very frequently perceived as co-existent with competence, i.e., professionalism. A professional translator is viewed as competent, and some remarks on professionalism seem therefore in order for the clarity of further discussion.

Professional translator

Translation professionalism *per se* addresses not only those aspects that are related to the linguistic domain, but also those pertaining to the extralinguistic context of translation. Professionalism of the translator is manifested in his/her education and training, range of experience accrued and effective use of translation-related instruments (this is what PACTE names 'instrumental (sub)competence') such as CAT tools, computer technologies, or dictionaries and glossaries (either traditional or, increasingly frequently, on-line databases and resources).

Gouadec (2007) quite aptly claims that the professional translator must have a perfect command of languages (both the source and target language), writing skills and ability to use state-of-the-art (computer) technologies as well as specialist knowledge on his/her area of specialisation. An interesting approach is presented by Englund Dimitrowa (2005) who differentiates between translation competence and translator competence. Translation competence is a feature of everyone with the knowledge of a foreign language who is capable of performing basic translation operations. The result of these operations is a text, not always perfect and still in need of corrections from the linguistic point of view. Translation competence may be the start of a continuum towards developing translator competence provided that translations already performed are subject to verification and meticulous analysis, and persons (or institutions) commissioning and assessing translation give their feedback on those texts.

An 'evergreen' question arises here whether any optimal way exists that could be useful for the evaluation of degrees (or stages) of professionalism. The answer is complicated as professionalism has been for quite a long time perceived from the angle of translation quality. Quality seems to be immeasurable in explicit terms since criteria applied for its assessment vary and have not been consolidated; this leads to comparative analyses of professional and non-professional translators in terms of quality of their performance (see Englund Dimitrowa 2005, Jakobsen 2002, Kussmaul 1995, Tirkkonen-Condit 1996, Tirkkonen-Condit 1992).

Professional translation denotes the production of high quality, i.e., accepted and well-structured texts, which in our case would be highly recognised, coherent and accurate translations of medical texts. The translator accepts full responsibility for the quality of the text produced, where the text is the final product of the translation process; the text is further subject both to linguistic and extra-linguistic verification (and its operational efficiency in terms of the purpose for which it was produced).

In view of medical translation yet another aspect deserves here our attention, i.e., the perception of text quality (and its operational efficiency) naturally varies among different user groups as they have varying expectations pertaining to the translation. Those expectations assumingly refer to such areas as linguistic and extralinguistic communicative efficiency reflected in text comprehension. Court translators, while

translating medical texts, do not have their readers in mind, since they are focused on the purpose of translation: the priority is ascribed to the normative (legal) function the text and its translation are to fulfil. In other instances, translating medical texts is strictly connected with answering the question about the prospective readership: who are potential users? Are they experts, semi-experts or laymen?

Generally, five various reader profiles can be distinguished; readers read texts for practical (thus functional) reasons, yet their needs and expectations concerning the text are different. Those varying profiles determine the choice of a specific genre. Resurrecció (2007, 52-53) categorises those profiles as follows:

- (i) general reader – who wants to prevent a (potentially occurring) disease,
- (ii) patient – who wants his or her disease to be effectively treated,
- (iii) student – who wants to acquire knowledge and become a medical (health) professional,
- (iv) health professional – who wants to implement his or her knowledge,
- (v) researcher – who wants to advance the knowledge.

Even if the court translator is not focusing on the readership, the dynamically changing situation on the market and resultant factors determining his or her performance may impose new requirements. A huge area deserving a separate discussion are patient information leaflets (PILs); they seem to reflect a new trend that medical language is no longer to be used exclusively by professionals. PILs are specifically produced for non-professionals (persons outside medical professions) and the EU has implemented a number of requirements to be fulfilled (that also implicitly pertain to translation), and thus Human Medicines Directive (Art. 63, subsection 2, p.43) provides for the following:

“The package leaflet must be written and designed to be clear and understandable, enabling the users to act appropriately, when necessary with the help of health professionals. The package leaflet must be clearly legible in the official language or languages of the Member State in which the medicinal product is placed on the market” (HMD, 43).

The above considerations pertaining to various aspects of translation performance show that apart from linguistic and extra-linguistic domains, translation competence is manifested in the cognitive domain as well which is a set of factors such as e.g., (general) knowledge, experience or motivation. Experience contributes to effective use of the knowledge accumulated, thus enabling the translator to capitalise on the entire assortment of translation tasks performed previously, and to activate any information existing in the memory resources. Experience is an inherent (even design) feature of professional translators; it is accrued if the translator possesses a high degree of motivation (see Amabile 1996) to learn and develop his or her skills constantly. In translating medical texts this refers to constant broadening and mastering specialist knowledge in the field that translators specialise. High quality – professional – product of the translation process is the direct result of the interaction of knowledge and experience,

the efficiency of which is absolutely indispensable in any field of translation activity, including such demanding areas as medical translation.

Concluding remarks

The language of medicine and related fields is an area deserving wider discussion and coverage on language studies or translation studies (at least in Poland). Potentially, implications for the future may provide for including medical language in translation courses curricula to a much more extensive degree that it has been done before.

Contrary to medical professionals who have contact obviously with medical language during their education and further training, translators (and court translators in our view) must have first learn the language of medicine to be capable of understanding it. Comprehension is related to having access to medical texts, to the aforementioned internal motivation to expand one's knowledge, or to have more extensive in-depth knowledge of particular fields of medicine and related disciplines in order to be able to translate. This process must take time, and the experience accrued within that time is indispensable for high-quality translation performance.

Apart from specialist and specific terminology (as well as profession-related type of discourse) court translators have to deal with implicit knowledge behind the text. Wrong interpretation of references might result in mistranslation, which in case of the normative or law-related purpose of texts is dangerous as even one information item may matter. An ideal situation would be the one postulated by O'Neill:

“it appears that either a medical professional or a medically knowledgeable linguist can do a good job with a medical translation; but given the relative strengths and weaknesses of both sides, the ideal situation would be for the medical professional who translates to be edited by a linguist, and the linguist translating medical work to be edited by a medical professional. However, this happens all too infrequently in the real world, due to cost and time constraints” (O'Neill 1998, 76).

Recommendations for court translators dealing with translating medical texts concern the aspects of competence required to face the challenge. The priority is ascribed to the knowledge of medical terminology; without that knowledge text comprehension is not possible and thus translation will not realise the purpose assumed. Translators should have access to any information resources available, starting from conventional bilingual and monolingual dictionaries, through glossaries, lexicons and handbooks to on-line databases and resources. The awareness of the role of language and writing skills should be also stressed. A very important role is played by such cognitive factors as long-standing experience in the profession, combined with personal attitude towards the tasks commissioned, i.e., constant motivation for development and knowledge expansion. Last, but certainly not least, consulting an expert (a medical professional) is always of relevance and contributes to higher quality of texts produced and, what follows, more effective intercultural communication and knowledge transfer.

As a way of concluding we could say that “(...) a love of language, an ear for style, a willingness to pursue arcane terminology and caring enough to get it exactly right are

the keys to true success” (O’Neill 1998, 80). In other words, a desire to be more knowledgeable and more competent is transposed into more successful, thus better and of higher quality, performance of court translators in their quest for perfection in translating medical texts.

Bibliography

- Amabile, Teresa. 1996. *Creativity in context*. Westview: Boulder, Co.
- Askehave, Inger and Karen Korning Zethsen. 2002. "Translating for Laymen". In *Perspectives: Studies in Translatology*, 10(1), 15-29. London: Routledge.
- Beeby, Alison. 2000. Choosing an Empirical-Experimental Model for Investigating Translation Competence: The PACTE Model. In *Intercultural Faultlines. Research Models in Translation Studies I. Textual and Cognitive Aspects*, ed. Maeve Olohan, 43-55. Manchester: St Jerome.
- Bell, Roger. 1991. *Translation and Translating. Theory and Practice*. London and New York: Longman.
- Englund Dimitrova, Birgitta. 2005. *Expertise and Explicitation in the Translation Process*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Gouadec, Daniel. 2007. *Translation as a profession*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Hansen, Gyde. 1997. Success in Translation. In *Perspectives: Studies in Translatology*, 5(2): 201-210. London: Routledge.
- Harris, Brian and Bianca Sherwood. 1978. Translating as an Innate Skill. In *Language, Interpretation and Communication*, eds. David Gerver and H. Wallace Sinaiko, 155-170. New York & London: Plenum.
- Hatim, Brian. and Ian Mason. 1997. *The Translator as Communicator*, London & New York: Routledge.
- Hewson, Lance and Jacky Martín. 1991. *Redefining Translation. The variational approach*. London: Routledge.
- Hoof van, Henri. 1998. The Language of Medicine: A Comparative Ministudy of French and English. In *Translation and Medicine*, ed. Henry Fischbach, 49-65. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Jakobsen, Arnt .Lykke. 2002. Translation drafting by professional translators and by translation students. In *Empirical Translation Studies Process and Product*, ed. Gyde Hansen, 191-193. Copenhagen: Samfundslitteratur.
- Kasprowicz, Małgorzata. 2010. Handling Abbreviations and Acronyms in Medical Translation. *Translation Journal*, vol. 14, No 2. <http://translationjournal.net/journal/52abbreviations.htm>.
- Kiraly, Don. 1997. Think-Aloud Protocols and the Construction of a Professional Translator Self-Concept. In *Cognitive Processes in Translation and Interpreting*, eds. Joseph H. Danks et al., 137-160. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage.
- Kussmaul, Paul. 1995. *Training the Translator*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Lörscher, Wolfgang. 1991. *Translation Performance, Translation Process, and Translation Strategies*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
- McMorrow, Leon. 1998. Breaking the Greco-Roman Mold in Medical Writing: The Many Languages of 20th Century Medicine. In *Translation and Medicine*, ed. Henry Fischbach, 13-27. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

- Neubert, Albrecht. 2000. Competence in Language, in Languages, and in Translation". In *Developing Translation Competence*, eds. Christine Schäffner and Beverly Adab, 3-18. Amsterdam: John Benjamins.
- Nord, Christiane. 1991. *Textanalyse und Übersetzen*. Heidelberg: Julius Groos.
- O'Neill, Marla. 1998. Who Makes a Better Medical Translator: The Medically Knowledgeable Linguist or the Linguistically Knowledgeable Medical Professional? A Physician's Perspective. In *Translation and Medicine*, ed. Henry Fischbach, 69-80. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- PACTE. 2003. Building a Translation Competence Model. In *Triangulating Translation: Perspectives in Process Oriented Research*, ed. Fabio Alves, 43-66. Amsterdam: John Benjamins.
- PACTE. 2009. Results of the Validation of the PACTE Translation Competence Model: Acceptability and Decision Making. In *Across Languages and Cultures*, 207-230. Vol. 10. No. 2.
- Resurreccio, Vicent Montalt and Maria Gonzalez Davies. 2007. *Medical Translation Step by Step*. Manchester: StJerome.
- Risku Hanne. 1998. *Translatorische Kompetenz. Kognitive Grundlagen des Übersetzens als Expertentätigkeit*. Tübingen: Stauffenburg Verlag.
- Sternberg, Robert. 1999. *Cognitive Psychology*. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers.
- Tirkkonen-Condit Sonia. 1992. The Interaction of World Knowledge and Linguistic Knowledge in the Processes of Translation: a think-aloud protocol study. In *Translation and Meaning. Part Two*, eds. Barbara Lewandowska-Tomaszczyk and Marcel Thelen, 433-440. Maastricht: Euroterm.
- Tirkkonen-Condit, Sonia. 1996. What is in the Black Box?. In *Übersetzungswissenschaft im Umbruch*, eds. Angelika. Lauer et al., 251-257. Tübingen: Günter Narr Verlag.
- Toury, Gideon. 1995. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

EU directives:

- Medical Device Directive (Directive 93/42/EEC of the European Parliament and of the Council of 14 June 1993 on medical devices).
- In Vitro Diagnostics Directive (Directive 98/79/EC of the European Parliament and of the Council of 27 October 1998 on in vitro diagnostic medical devices.
- Active Implantable Device.
- In Vitro Diagnostics Directive (Directive 98/79/EC of the European Parliament and of the Council of 27 October 1998 on in vitro diagnostic medical devices.
- Active Implantable Device Directive (Directive 90/383/EEC of the European Parliament and of the Council of 20 June 1990 on active implantable medical devices).
- Human Medicines Directive (Directive 2001/83/EC of the European Parliament and of the Council of 6 November 2001 on the Community code relating to medicinal products for human use).

IMPLEMENTATION OF FRAMEWORK DECISIONS REGARDING SUBSTANTIVE CRIMINAL LAW INTO THE POLISH LEGAL ORDER – SELECTED ISSUES

Filip RADONIEWICZ, PhD student

Maria Curie-Skłodowska University in Lublin, Faculty of Law and Administration,
Institute of Criminal Law, Department of Comparative Criminal Law
Plac Marii Curie – Skłodowskiej 5, 20-031 Lublin, Poland
fillip.radoniewicz@gmail.com

Abstract: The paper is composed of three basic parts. In the introduction are discussed the successive stages of cooperation of the states of the European Union within the III pillar of the EU – from its inception (the European Union Treaty, signed in Maastricht on the 7th of February 1992) to the Treaty of Lisbon (signed on the 13th of December 2007). In the second part is described the most significant legal instrument of the III pillar, implementing the harmonisation of the criminal law of the member states, that is the framework decisions. In the third part are presented examples of the implementation of chosen framework decisions in Polish law – the Framework Decision of the Council of 2002/475/JHA of 13th of June 2002 on combating terrorism and the Framework Decision of the Council 2002/629/JHA of the 19th of July 2002 on combating trafficking in human beings. Certainly the choice is not casual. The author endeavours to present two extreme models of implementing of framework decisions: a method of implementation consisting in transfer of legal rules, with the aim of inserting created norms into the Polish legal order and the contrary one of rewriting the content of the implemented framework decision without any reflection.

IMPLEMENTACJA DECYZJI RAMOWYCH DOTYCZĄCYCH PRAWA KARNEGO MATERIALNEGO DO POLSKIEGO PORZĄDKU PRAWNEGO – ZAGADNIENIA WYBRANE

Abstrakt: Referat składa się z trzech zasadniczych części. We wstępie omówione zostały kolejne etapy współpracy państw Unii Europejskiej w ramach III filara UE – od jego powstania (Traktat o Unii Europejskiej, podpisany w Maastricht 7 lutego 1992 r.) do traktatu z Lizbony (podpisany 13 grudnia 2007 r.). W części drugiej dokonano charakterystyki najistotniejszego instrumentu prawnego III filara, służącego zbliżaniu prawa karnego państw członkowskich, czyli decyzji ramowej. W części trzeciej zaprezentowane zostały przykłady implementacji wybranych decyzji ramowych do polskiego porządku prawnego – decyzji ramowej Rady 2002/475/WSiSW z dnia 13 czerwca 2002 r. w sprawie zwalczania terroryzmu oraz decyzji ramowej Rady 2002/629/WSiSW z dnia 19 lipca 2002 r. w sprawie zwalczania handlu ludźmi. Ich wybór jest nieprzypadkowy. Autor na ich przykładzie starał się zaprezentować dwie przeciwstawne metody implementacji: metodę polegającą na transpozycji norm prawnych i nadaniu przepisom form pasujących do polskiego porządku prawnego oraz jej przeciwieństwo – „przepisanie” treści postanowień implementowanej decyzji.

Introduction

The Member States of the European Community have for a long time avoided taking any action to harmonise criminal law as the state monopoly in punishing criminals is undoubtedly one of the most important aspects of state sovereignty. The arguments for maintaining the status quo were provided by founding treaties, in which there were no grounds to undertake any action in this matter. A turning point came on the 7th of February 1992 when the European Union Treaty, hereinafter referred to as the Treaty of Maastricht, was signed. Its so-called third pillar included cooperation in criminal justice and home affairs.

Cooperation of states within the framework of the third pillar was on an intergovernmental and not a community basis. That means that the Member States settled the areas of common interests in which their actions were coordinated. As a result, the Member States themselves made decisions in this matter and transferred them to their legislation. (Zielińska 2004, 186). As a consequence there was a lack of homogeneity with the community model of decision making (independently by the Council of the EU) and greatly limited competences of the community institutions, for instance legislative initiative regarding cooperation in criminal issues rested only on the Member States, no powers were provided for the European Court of Justice. In the third pillar other forms and instruments of cooperation were also applied: unanimously adopted by the Council of the EU common standpoints (defining precisely the procedure in specific issues), joint actions and international conventions, which the Member States concluded within the EU (Grzelak 2008, 41). The first two “were only a set of good intentions and rules” (Karsznicki 2009, 71-72). Within the framework of the third pillar the only binding legal acts were conventions prepared by the Council of the EU and “recommended to be implemented” by the Member States.

The solutions adopted in the third pillar were subject to criticism because of their ineffectiveness. Because of that work on reform started, the effect of which was the Treaty of Amsterdam (signed on the 2nd of October 1997, hereinafter referred to as the Treaty of Amsterdam). Primarily the scope of cooperation within the third pillar was extended (see art. 29-31 of the Treaty of Maastricht). Recognition of the Area of Freedom, Security and Justice (AFSJ) as a one of EU objectives was important (art. 2 of the Treaty of Maastricht). It was evidence of no longer considering this sphere only as an object of “common interests” of the Member States and starting to consider it as the policy of the whole EU (Grzelak 2008, 45). Simultaneously so-called policies related to free movement of persons became policies of the entire Community. In connection with that within the framework of the first pillar were included: visas, asylum, immigration policies, judicial cooperation in civil matters and mutual administrative assistance in customs matters. Judicial cooperation in criminal matters and police cooperation remained in the third pillar. As a result, AFSJ became unbalanced since it was composed of policies of the first pillar to which the community system was applied and policies of the intergovernmental third pillar. Furthermore with the *aquis communautaire* were included the Schengen Agreement of the 14th of June 1985 on the gradual abolition of checks at their common borders and the Convention of the 19th of June 1985

implementing the Schengen Agreement. For the issues thus regulated, some of their provisions became a part of the first pillar, while others were included in the third pillar.

As a consequence of the changes introduced by the Treaty of Amsterdam, institutions of the Community obtained certain competences in the third pillar. The commission was given parity of legislative initiative with the Member States. Limited powers were submitted to the European Court of Justice: controlling framework decisions and other decisions (art. 35 par. 6 of the Treaty of Maastricht), and also responding to prejudicial questions (but the Member States were at liberty to decide whether to recognise the jurisdiction of the European Court of Justice in this field). Furthermore, the Council of the UE was obliged to consult the European Parliament before approving statutes (with the exception of common standpoints). The most important change was the introduction of the new legal instrument – the framework decision – intended according to art. 34 par. 2 point B of the Treaty of Maastricht for the approximation of the laws and regulations of the Member States. Other legal instruments of the former third pillar were common standpoints and decisions, general statutes adopted by the Council “for any other purpose consistent with the objectives of this title, excluding any approximation of the laws and regulations of the Member States. These decisions shall be binding and shall not entail direct effect” (art. 34 par. 2 point c). By virtue of these decisions several specialised institutions were created, such as Eurojust (Council Decision 2002/187/JHA setting up Eurojust with a view to reinforcing the fight against serious crime). In accord with the Treaty of Amsterdam joint actions were renounced. Obviously some, previously promulgated, are still valid, but most were replaced by framework decisions or decisions, for instance: the Joint action 98/733/JHA on making it a criminal offence to participate in a criminal organisation in the Member States of the European Union was replaced by the Council Framework Decision 2008/841/JHA on the fight against organised crime.

The Treaty of Nice (signed on the 26th of February 2001, hereinafter the Treaty of Nice) introduced no important modifications related to the subject discussed in this article. Whereas far-reaching modifications were proposed in the Treaty establishing a Constitution for Europe, signed on the 29th of October 2004, which aimed at total abolition of the EU pillar structure. The main legal instruments were intended to be European statutes and European framework decisions, which were equivalents of today’s regulations and directives. Since it was not approved, the treaty of Lisbon was signed on 13th December 2007, hereinafter the Treaty of Lisbon, apparently as a compromise solution. It was formulated as amendments to the Treaty of Maastricht (hereinafter the treaty with amendments is referred to as the EU Treaty) and to the Treaty Establishing the European Community. Simultaneously, the name of the latter was changed to the Treaty on the Functioning of the European Union (hereinafter the Treaty on the Functioning of the EU).

Currently, we are in the transitional period of five years until the Treaty of Lisbon becomes effective. It is regulated in Protocol Title 7 (No 36) to the Treaty on the Functioning of the UE on Transitional Provisions. According to its art. 9 the legal consequences of acts adopted within the third pillar on the basis of the Treaty of Maastricht prior to the validity of the Treaty of Lisbon remain valid until they are repealed, annulled, or amended, for the period not exceeding five years (art. 10 of the

Protocol). The first abrogated framework decision was the Framework Decision 2002/629/JHA on combating trafficking in human beings replaced by the Directive 2011/36/EU on preventing and combating trafficking in human beings and protecting its victims). The same refers to the conventions concluded between the Member States on the basis of the Treaty of Maastricht. During this period the Commission was not entitled to the powers resulting from the provision of art. 258 of the Treaty on the Functioning of the EU (former art. 226 of the Treaty Establishing the European Community) concerning statutes on police cooperation and judicial cooperation in criminal matters and jurisdiction of the European Court of Justice is executed according to art. 35 of the Treaty of Maastricht (providing facultative jurisdiction, presently abrogated). If the statute is amended though, the above reservations shall not be valid.

Characteristics of framework decisions

Framework decisions are binding for the Member States in regard to the result, which must be reached but national institutions are unrestricted in choosing forms and measures for that purpose. Thus they are similar to directives – they oblige the Member States to implement their provisions in national legislation within a fixed period. What differentiates them from directives is that they have no direct executive effect (cannot be a separate source of rights and duties of individual persons). Furthermore, it was not decided how to exact their implementation from the Member States. That was primarily caused by the fact that the European Court of Justice had no competence in the third pillar and as a consequence of the lack of procedure analogous to that provided in the first pillar according to art. 226 and 227 of the Treaty Establishing the European Community (currently art. 258 and 259 of the Treaty on the Functioning of the EU). On the basis of the procedure the Commission (art. 226 of the Treaty Establishing the European Community, currently art. 259 of the Treaty on the Functioning of the EU) or a Member State (art. 227 of the Treaty Establishing the European Community, currently art. 259 of the Treaty on the Functioning of the EU) may initiate proceedings before the Court of Justice against state which in the fixed time has not implemented (or implemented incompletely or incorrectly) a directive to its legal order. Still, judicial decisions of the European Court of Justice obliged the Member States to ensure the effectiveness of framework decisions; results included the principle of loyalty to the EU and obligation of interpretation of domestic legal acts in favour of the law of the European Community, which was highlighted by the Court in the case C 105/03 Pupino (Biernat 2005, 201-204, 216-217; Jasiński 2005, 105).

By framework decisions the Member States were bound to penalise such acts as for instance: euro counterfeiting (the Council Framework Decision 2000/383/JHA on increasing protection by criminal penalties and other sanctions against counterfeiting in connection with the introduction of the euro), terrorism (the Council Framework Decision 2002/475/JHA on combating terrorism), trafficking in human beings (the Council Framework Decision 2002/629/JHA on combating trafficking in human beings), drug trafficking (the Council Framework Decision 2004/757/JHA laying down minimum provisions on the constituent elements of criminal acts and penalties in the field of illicit

drug trafficking) and attacks against information systems (the Council Framework Decision 2005/222/JHA on attacks against information systems).

Similarly as in the case of directives, two extreme models of implementing of framework decisions and their variants may be identified. The first consists of literal rewriting of a framework decision. Sometimes it is the only possible mean of transfer – this is the case of framework decisions regarding procedural issues, for instance the Council Framework Decision 2002/584/JHA on the European arrest warrant (hereinafter Framework Decision 2002/584/JHA). Generally, this method has one advantage because of which is promoted by institutions of the EU – verification of implementation correctness presents no difficulty. Nevertheless it should be remembered that framework decisions intend to harmonise of legal orders of the Member States not unify them. Therefore their transfer should take into account the specific character of a legal system in a particular state. Thus it should be assumed that necessarily it consists of implementation of legal rules not provisions. It is essential especially for framework decisions regarding substantive criminal law, which compels penalisation of defined behaviour. Their provisions are very general, their contents indicate the facts of a case whereas it is the responsibility of national legislatures to create legal rules to criminalise undesirable conduct (see more in: Grzelak 2008, 120-123).

Implementation of provisions of framework decisions should be achieved in the greater part with a statute, especially when provisions of a framework decision refer to so-called statutory matter. In the case of discordance between a framework decision and a constitution it may be necessitate amending the constitution (in many countries, including Poland that was the effect of Framework Decision 2002/584/JHA). In some cases it is sufficient to change the legal interpretation of rules of a national law (such a situation occurred for instance in Italy with regard to the Pupino case).

Certainly it is possible that legal rules of a Member State are consistent with provisions of a framework decision. In such case there is no need of implementation of the provisions.

In conformity to the subject of the present article, the next part focuses on the problem of implementation within the Polish legal order of framework decisions obliging the Member States to introduce defined types of prohibited acts to their legal systems.

Because of the limited volume of the present study only the question of implementation of two framework decisions will be discussed: the Council Framework Decision 2002/475/JHA on combating terrorism and the Council Framework Decision 2002/629/JHA on combating trafficking in human beings. Certainly the choice is not casual. In the case of the first one deals with a method of implementation consisting in transfer of legal rules, with the aim of inserting created norms into the Polish legal order. The second case, to the contrary, shows the model of rewriting the content of the implemented framework decision without any reflection.

Framework Decision 2002/475/JHA of the 13th of June 2002 on combating terrorism

The Council Framework Decision 2002/475/JHA of the 13th of June 2002 on combating terrorism (hereinafter referred to as the Framework Decision 2002/475) obliges the

Member States primarily to introduce a unified definition of a “terrorist offence”. All the more since in international law “terrorism” has no universally agreed, legally binding, criminal law definition. In some UN documents the following descriptive definition is used: “Criminal acts intended or calculated to provoke a state of terror in the general public, a group of persons or particular persons for political purposes” which are “in any circumstance unjustifiable, whatever the considerations of a political, philosophical, ideological, racial, ethnic, religious or any other nature that may be invoked to justify them” (United Nations Declaration on Measures to Eliminate International Terrorism annex to UN General Assembly resolution 49/60 Measures to Eliminate International Terrorism of December 9, 1994, UN Doc. A/Res/60/49).

The definition of a terrorist offence is included in art. 1 par. 1 of the Framework Decision 2002/475 and consists of two elements: the subjective and the objective. The offence shall be deemed a terrorist offence first of all when corresponding to at least one of subjective prerequisites included in the first part of the definition regarding the intention of offender, that is it has to be committed with the intention of:

- (i) seriously intimidating a population, or
- (ii) unduly compelling a Government or international organisation to perform or refrain from performing any act, or
- (iii) seriously destabilising or destroying the fundamental political, constitutional, economic or social structures of a country or an international organisation.

Secondly, it must comply with the objective criterion, that is inclusion in the finite catalogue included in the second part of the definition (among others: attacks upon a person’s life, attacks upon the physical integrity of a person, kidnapping, hostage taking, causing extensive destruction to a Government or public facility, seizure of aircraft, manufacture, possession, acquisition, transport, supply or use of weapons, explosives or nuclear, biological or chemical weapons etc.) or to threat to commit any of the acts listed.

Whereas in art. 3 of the Framework Decision 2002/475 the Member States are obliged to penalise “offences linked to terrorist activities”, consisting of activities, which are not terrorist activities themselves but may be undertaken with a view to their commission (for instance: inciting terrorist offences, recruitment and terrorist training, forgery of administrative document etc.)

According to art. 2 of the Framework Decision 2002/475 directing a terrorist group and participating in the activities of a terrorist group shall be punishable. According to the provision of art. 2 par. 1 of the Framework Decision 2002/475, a terrorist group is a structured group of more than two persons established over a period of time and acting in concert to commit terrorist offences. The “structured group” is a group that is not randomly formed for the immediate commission of an offence and that does not need to have formally defined roles for its members, continuity of its membership or a developed structure.

The provisions of the Framework Decisions 2002/475 were implemented in the Polish legal order with the Act of the 16th of April 2004 on amendment of the Penal Code Act and some other acts.

The Polish legislator did not decide on literal transfer of the definition of a terrorist offence. A new, more concise definition was created. The highlighted issue was the criterion of the intention in the act of an offender, which was indicated in the provision as in the Framework Decision 2002/475 art. 1 par. 1. Alternatively, as the aim of a criminal act are regarded:

- (i) seriously intimidating a large number of people,
- (ii) compelling the Government of the Republic of Poland or the Government of another country or international organisation to perform or refrain from performing defined acts,
- (iii) seriously destabilising the political system or economy of the Republic of Poland, of another country or an international organisation.

The second element of the definition, which is included in art. 115 § 20 of the Penal Code is constructed differently from the original in the Framework Decision 2002/475. The catalogued offences, which when committed with any of the intentions listed in the first part of the definition are regarded as offences of a terrorist character are replaced by the formal criterion. An offence to be regarded as an offence of a terrorist character must be subject to the penalty of deprivation of liberty with at least a statutory maximum of 5 years. Therefore the provision does not create *delictum sui generis* but regards as an offence of a terrorist character every offence (every crime and serious misdemeanour punished under penalty of deprivation of liberty with at least 5 years of statutory maximum) committed with any of the intentions listed in the first part of definition (Giezek 2007, 772). In accord with provisions of the Framework Decision 2002/475, as a terrorist offence is also regarded threatening to commit any such act (art. 115 § 20 *in fine*) (Wąsek 2005, 874).

It is worth mentioning that the result described in the definition is not crucial for committing an offence considered as an offence of a terrorist character. It is important that an offender acts with the aim described and the offence itself is punished under penalty of deprivation of liberty with at least 5 years of statutory maximum (Compare with Giezek 2007, 775; Górniok 2004, 8; Michalska-Warias 2009, 221; Sońta 2005, 17-18).

The number of offences, which are subject to penalty of deprivation of liberty with at least a statutory maximum of 5 years, is high. Many of them may not be considered as offences of a terrorist character since it is even difficult to imagine how with their commission an offender may achieve the result described in the definition, such as seriously intimidating a large number of people, compelling the public authorities or international organisation to perform defined acts or seriously destabilising the economy of the Republic of Poland, another country or an international organisation. The most striking examples of such offences are the offences against the family and custody (for instance bigamy, the offence of ignoring the obligation to pay alimony or inducing minors to drink) (Giezek 2007, 773. Compare with Jasiński, Zielińska 2005, 528).

The solution applied, to refrain from enumerating the list of offences, which when committed with any of the aims indicated become offences of a terrorist character – as in the Framework Decision 2002/475 – is advantageous because it does not create an expanded and casuistic definition (Compare with Majewski 2004, 1244). Furthermore, as

is stressed by Agnieszka Grzelak, literally “rewriting” the content of art. 1 of the Framework Decision 2002/475 would be ineffective since every prohibited act indicated there in the Polish penal system may be qualified on the basis of different legal rules of the Penal Code, cumulatively coinciding in predictable facts of a case (Grzelak 2008, 158).

The statutory maximum of 5 years of deprivation of liberty arouses justified doubts. It may have the effect that not all types of the offences described in the framework decision shall be considered as terrorist offences on the grounds of the penal code. As an example may be cited the culpable preparation to commit an offence of hostage taking, punished under penalty of deprivation of liberty for a term of 3 years (art. 252 § 3 of the Polish Penal Code, hereinafter PPC) or punishable threat (art. 190 PPC see Budyn-Kulik, Kozłowska-Kalisz 2010, 258. More in Jasiński, Zielińska 2005, 527).

Taking into consideration the above, some scholars believe that if the criterion of the intention of the offender’s act is the most important issue and determines the terrorist character of the offence, the condition of statutory maximum should be annulled. This is especially relevant when considering that the idea of distinguishing a terrorist offence consists among others in more severe of punishment for acts of a terrorist character, even those seemingly less serious (Compare with Giezek 2007, 775).

In accord with provisions of the Framework Decision 2002/475 the regulation providing aggravation of penal responsibility for an offence of a terrorist character was introduced into the General Part of the Penal Code (art. 5 par. 2). According to the content of amended art. 65 § 1 PPC for offenders committing such acts, the provision of art. 64 § 2 PPC is applied. In compliance with that the rules regarding sentencing, penalty measures and means connected with an offender being on probation, provided for offenders described in art. 64 § 2 PPC (that is “multi-recidivists”) are applied also to offenders of acts of a terrorist character. That means, among others, that the court (obligatorily) imposes a penalty of deprivation of liberty provided for the offence committed harsher than the statutory minimum and may impose it up to the statutory maximum increased by a half. Such an offender may apply for conditional release not before having served $\frac{3}{4}$ of a sentence.

In connection with implementation of the Framework Decision 2002/475 the amendment to the provision of art. 110 § 1 PPC regarding jurisdiction was needed. It needed modification to enable application of Polish penal rules to a foreign national, who committed an offence of a terrorist character in Poland. It was necessary to amend art. 258 PPC as well, which penalises participation in a group or organization intending to commit terrorist offences or fiscal offences. The provision of § 2 was modified creating the qualified type of this crime, providing harsher punishment (deprivation of liberty from 6 months to 8 years) when the group is armed – presently it refers to organisation or group with the intention of committing offences of a terrorist character. At the same time art. 258 PPC was supplemented with § 4 penalising founding or directing a group or organisation of a terrorist character and that was considered to be a crime. Whereas, according to art. 65 § 2 PPC to the offender of the offences described in art. 258 PPC provisions regarding multi-recidivists are applied, that is referring to an offender described in art. 64 § 2 PPC, except for severer punishment provided in the provision.

I think it may be generally assumed that the framework decision was implemented in the proper manner in the Polish legal order. Rightly it was decided not to mechanically rewrite its provisions but it was properly adapted to the Polish Penal Code. Due to that excessive casuistry and possible incoherence of the penal system were avoided (Compare with Grzelak 2008, 161. Differently Jasiński, Zielińska 2005, 527). It is worth considering though departing from fixing the lowest level of a statutory maximum of a penalty as a condition for regarding a prohibited act as an offence of a terrorist character.

Framework Decision 2002/629/JHA on combating trafficking in human beings

The second framework decision, which I wish to focus on is the Council Framework Decision 2002/629/JHA of the 19th of July 2002 on combating trafficking in human beings (hereinafter Framework Decision 2002/629/JHA), which obliges the Member States to take appropriate action for the purpose of preventing human trafficking. Likewise the term “terrorism”, trafficking in human being has no universally agreed, international definition. The authors of the Council of Europe Convention on Action against Trafficking in Human Beings (CETS No 197) in its explanatory report stated that “Trafficking in human beings, with the entrapment of its victims, is the modern form of the old worldwide slave trade. It treats human beings as a commodity to be bought and sold, and to be put to forced labour, usually in the sex industry but also, for example, in the agricultural sector, declared or undeclared sweatshops, for a pittance or nothing at all” (Explanatory Report to Council of Europe Convention No 197 on Action against Trafficking in Human Beings). Similarly, in the Explanatory Memorandum in Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on preventing and combating trafficking in human beings, and protecting victims, repealing Framework Decision 2002/629/JHA, “Trafficking in human beings” is described as “considered one of the most serious crimes worldwide, a gross violation of human rights, a modern form of slavery, and an extremely profitable business for organised crime. It consists of the recruitment, transfer or receipt of persons, carried out with coercive, deceptive or abusive means, for the purpose of exploitation including sexual or labour exploitation, forced labour, domestic servitude or other forms of exploitation including the removal of organs”.

In the Framework Decision 2002/629/JHA, which is the subject of present study, this prohibited act is defined as “the recruitment, transportation, transfer, harbouring, subsequent reception of a person, including exchange or transfer of control over that person, where:

- (i) use is made of coercion, force or threat, including abduction, or
- (ii) use is made of deceit or fraud, or
- (iii) there is an abuse of authority or of a position of vulnerability, which is such, that the person has no real and acceptable alternative but to submit to the abuse involved, or
- (iv) payments or benefits are given or received to achieve the consent of a person having control over another person”.

The purpose of the offender's activity is exploitation of the victim's labour or services, including "at least forced or compulsory labour or services, slavery or practices similar to slavery or servitude, or for the purpose of exploitation of the prostitution of others or other forms of sexual exploitation including in pornography" (art. 1 par. 1 *in fine*).

In paragraph 2 of the article is made the reservation that the consent of a victim to the exploitation is irrelevant, where any of the means set forth in article 1 paragraph 1 have been used. Regarding children (that is any person below 18 years of age – art. 1 par. 4 of the framework decision) the same solution as in the acts of international law was applied, when the conduct described in par. 1 involves a child it shall be an offence, even if none of the means set forth in the provision have been used.

The provisions of the framework decision were implemented in the Polish legal order with the Penal Code Amendment Act of the 20th of May 2010, to the Police Act, to the act on provisions introducing the Penal Code and the Code of Penal Proceedings. With the amendment, the previous provision penalising human trafficking (that is art. 253 § 1 PPC) was replaced by the provision of art. 189a (placed in Chapter XXIII "Offences against freedom"), which has a similar content. One, important modification was introduced: the verb "to practise" (in the provision of art. 253 § PPC practising human trafficking was mentioned) was replaced by the verb "to commit", which in my opinion allows the conclusion that even a single act of an offender may be regarded as human trafficking. Other important *novum* is the punishability of preparation for the offence.

The most relevant modification is the definition of human trafficking adopted in art 115 § 22 PPC. According to that human trafficking is the act consisting of actual actions of recruitment, transfer, harbouring and reception of an even one person executed with use of the defined means. The legislator enumerated them: violence or unlawful threat, abduction, deceit, misleading or taking advantage of a mistake or incapability of correct comprehension of action undertaken, an abuse of a relation of dependency, taking advantage of critical position or a state of helplessness, giving or receiving payments or personal benefits or their promise given to a person exercising tutelage or controlling another person. It is without doubt a confined catalogue since the legislator did not use an open clause enabling considering mentioned conduct only as examples (Kozłowska-Kalisz 2010, 263). What is more, the definition specifies that an offender must act for the purpose of exploitation of a person, who is a "victim of human trafficking". The meaning of exploitation was specified also by giving examples (the expression "particularly" tells us that): exploitation of prostitution, pornography or other forms of sexual exploitation, forced labour or services, begging, slavery or other forms of exploitation humiliating human dignity or for the purpose of obtaining cells, tissues or organs against legal rules. Furthermore, the clause was added that the above-mentioned conduct, when referring to a minor, is human trafficking even when the methods or measures listed in the act were not used. The consent of an injured person certainly is irrelevant for occurrence of human trafficking.

According to the above mentioned act, there is no doubt that the concept of human trafficking shall be understood as actual actions, and it is clear that to indicate the

offence only one action of the offender is needed (“one transaction”), referring to one person. Whereas, the requirement of acting for the “purpose of exploitation” is the requirement of result oriented intent (*dolus directus coloratus*).

The amendment to the Penal Code conveyed is not sufficiently considered. Without doubt few correct solutions were introduced. As such should be regarded transferring the provision, which previously penalised human trafficking (art. 253 § 1 PPC) to the Chapter XXIII, its modification by replacing the word “to practise” by the word “to commit”, introducing the offence of preparation for the offence and abrogation of art. 204 § 4 PPC, since the facts of a case, which are penalised by this provision are covered in full by the provision of art. 189a § 1 (that is the previous art. 253 § 1 PPC) that determines the definition of “human trafficking” applied. The definition itself arouses reservations. There is no doubt that it consists in the framework decision rewriting. Therefore it is expanded and extremely casuistic, which may cause limitation of the scope of culpability. That is why it is essential to support the view of Włodzimierz Wróbel (Wróbel, 2010) and Andrzej Sakowicz (Sakowicz, 2010), who in the opinions to the draft of amendment prepared by them suggest introducing the expression “in particular”, before the forms of human trafficking described and making it a list of examples. At the same time it would enable removing the clause regarding minors (the last phrase of the definition). Włodzimierz Wróbel shows that it might reduce possible problems in the future, since the clause existing in the present form may cause penalisation of conduct, which does not threaten personal dignity (for instance adoption procedures) (Wróbel, 2010). I think that the definition should exclude means used for committing the offence of human trafficking as well, since when the offender uses none of them it might prevent prosecution (Hudzik, Paprzycki, 2009). Due to that change it would become synthetic and “concordant with the Polish tradition of creating synthetic provisions of penal law” (Bojarski, Górniok 2010, 615).

In similar respects it is not advisable to introduce subjective attributes by including the requirement of the purposive intent – each time indicating the direction of the offender’s action may prevent application of the provision of art 189a in reference to some facts of a case (Hudzik, Paprzycki, 2009; Sakowicz, 2010). Whereas it will certainly hamper fast and effective prevention of the dangerous and increasingly frequent phenomenon of human trafficking (Radoniewicz 2011, 153-154).

It seems that the above-discussed defects of the new regulations, created as a result of implementation of the new Framework Decision 2002/629, prove convincingly that transposition of its provisions was not appropriately conducted. Copying the definition included there, as presented above, was a mistaken solution, the consequences of which are regulations, which certainly will be not be effective for prevention of human trafficking.

Conclusions

As mentioned in the introduction of this study, the Treaty of Lisbon formally abolished the three-pillar structure of the European Union. But it may not be forgotten that during the current 5-year transition period, the provisions of framework decisions are valid until

repeal, annulment or amendment. Furthermore, it seems that remarks made in the present study regarding implementation of the framework decisions regulating the issues of substantive criminal law may be referred to the directives, which will intercept their role. Since with regard for the differences between particular national legal orders and the unwillingness of the Member States to devolve on the EU institutions too strong an interference in this matter of law, the provisions of the directive regarding this issue will be, at least in the immediate future, formulated in the same way as the provisions of framework decisions, that is as generally as possible. As a result, the optimal implementation should be analogous to that applied to the Framework Decision 2002/475 on combating terrorism, consisting in implementation of the legal rules rather than unconsidered rewriting their contents, as was the case of the Framework Decision 2002/629 on combating trafficking in human beings. The thesis is confirmed by the way in which the provisions regarding substantial criminal law were formulated in the Directive 2011/36/EU on preventing and combating trafficking in human beings and protecting its victims.

Bibliography

- Biernat, Stanisław. 2005. Źródła prawa Unii Europejskiej. In *Prawo Unii Europejskiej. Zagadnienia systemowe*, ed. Jan Barcz, 191-223. Warszawa: Wydawnictwo Prawo i Praktyka Gospodarcza.
- Bojarski, Janusz, and Oktawia Górniok. 2010. Rozdział XIV. Objasnienia wyrazów ustawowych (art. 115). Handel ludźmi. In *Kodeks karny. Komentarz*, ed. Marian Filar, 612-616, Warszawa: LexisNexis.
- Budyn-Kulik, Magdalena, and Patrycja Kozłowska-Kalisz. 2010. Rozdział XIV. Objasnienia wyrazów ustawowych (art. 115). § 20. In *Kodeks karny. Praktyczny komentarz*, Marek Mozgawa (ed.), Magdalena Budyn-Kulik, Patrycja Kozłowska-Kalisz, Marek Kulik, 257-258. Warszawa: Wolters Kluwer Polska.
- Filar, Marian, and Oktawia Górniok. 2008. Rozdział XIV. Objasnienia wyrazów ustawowych (art. 115). In *Kodeks karny. Komentarz*, ed. Marian Filar, 510-544. Warszawa: LexisNexis.
- Giezek, Jacek. 2007. Rozdział XIV. Objasnienia wyrazów ustawowych. In *Kodeks karny. Część ogólna*, Jacek Giezek (ed.), Natalia Kłaczyńska, Grzegorz Łabuda, 696-790. Warszawa: LexisNexis.
- Grzelak, Agnieszka. 2008. *Trzeci filar Unii Europejskiej*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe.
- Górniok, Oktawia. 2004. Przepis o charakterze terrorystycznym w art. 115 § 20 k.k. *Przegląd Sądowy* 10: 3-11.
- Jasiński, Filip. 2005. Przestrzeń Wolności, Bezpieczeństwa i Sprawiedliwości Unii Europejskiej. In *Prawo Unii Europejskiej. Zagadnienia systemowe*, Jan Barcz (ed.), 93-118. Warszawa: Wydawnictwo Prawo i Praktyka Gospodarcza.
- Jasiński, Filip, and Eleonora Zielińska. 2005. Decyzja ramowa Rady z dnia 13 czerwca 2002 r. w sprawie zwalczania terroryzmu (2002/475/WSiSW). In *Prawo*

- Wspólnota Europejskich a prawo polskie. Tom 6. Dokumenty karne. Część II*, Eleonora Zielińska (ed.), 483-530. Warszawa: Oficyna Naukowa.
- Karsznicki, Krzysztof. 2009. Traktat Lizboński – nowa szansa na usprawnienie współpracy w obszarze wymiaru sprawiedliwości. *Prokuratura i Prawo* 11-12: 70-77.
- Kozłowska-Kalisz, Patrycja. 2010. Rozdział XIV. Objaśnienia wyrażeń ustawowych (art. 115). § 22. In *Kodeks karny. Praktyczny komentarz*, Marek Mozgawa (ed.), Magdalena Budyn-Kulik, Patrycja Kozłowska-Kalisz, Marek Kulik, 262-264. Warszawa: Wolters Kluwer Polska.
- Majewski, Jarosław. 2004. Rozdział XIV. Objaśnienie wyrażeń ustawowych. In *Kodeks Karny. Część ogólna. T. 1. Komentarz do art. 1-116 k.k.*, Grzegorz Bogdan, Zbigniew Cwiakalski, Piotr Kardas, Jarosław Majewski, Janusz Raglewski, Maria Szewczyk, Włodzimierz Wróbel, Andrzej Zoll (ed.), 1155-1251. Kraków: Zakamycze.
- Marek, Andrzej. 2010. *Kodeks karny. Komentarz*. Warszawa: Wolters Kluwer Polska.
- Michalska-Warias, Aneta. 2009. Rozdział XIV. Objaśnienie wyrażeń ustawowych (art. 115). § 20. In *Kodeks karny. Komentarz*, Tadeusz Bojarski (ed.), Aneta Michalska-Warias, Joanna Piórkowska-Flieger, Maciej Szwarczyk, 202-204. Warszawa: LexisNexis.
- Radoniewicz, Filip. 2011. Przestępstwo handlu ludźmi. *Prokuratura i Prawo* 10: 134-155.
- Sakowicz, Andrzej. 2010. Opinia w sprawie rządowego projektu ustawy o zmianie ustawy – Kodeks karny, ustawy – Przepisy wprowadzające Kodeks karny, ustawy – Kodeks postępowania karnego oraz ustawy o Policji (druk 2387). <http://orka.sejm.gov.pl/rexdomk6.nsf/Opdodr?OpenPage&nr=2387> (accessed September 1, 2011).
- Sońta, Cezariusz. 2005. Przestępstwo o charakterze terrorystycznym w prawie polskim. *Wojskowy Przegląd Prawniczy* 4: 3-25.
- Szwarc, Monika. 2005. Decyzje ramowe jako instrument harmonizacji prawa karnego w UE. *Państwo i Prawo* 7: 22-38.
- Wąsek, Andrzej. 2005. Art. 115 § 20. In *Kodeks karny. Komentarz. Tom 1. Art. 1-116*, Oktawia Górniok, Stanisław Hoc, Michał Kalitowski, Stanisław M. Przyjemski, Zofia Sienkiewicz, Jerzy Szumski, Leon Tyszkiewicz, A. Wąsek, 871-874. Gdańsk: Arche.
- Wróbel, Włodzimierz. 2010. Opinia w sprawie rządowego projektu ustawy o zmianie ustawy – Kodeks karny, ustawy – Przepisy wprowadzające Kodeks karny, ustawy – Kodeks postępowania karnego oraz ustawy o Policji (druk 2387). <http://orka.sejm.gov.pl/rexdomk6.nsf/Opdodr?OpenPage&nr=2387> (accessed September 1, 2011).

Sources

- Act of 6 June 1997 – Penal Code (Journal of Laws of 1997 No 88 item 553, as amended).
- Act of 20 May 2010 on amendment of the Penal Code, the Police Act, the act on provisions introducing the Penal Code and the Code of Penal Proceedings (Journal of Laws 2010 No 98 item 626).
- Act of 16 April 2004 on amendment of the Penal Code and some other acts (Journal of Laws 2004 No 93 item 889).
- Case C-105/03, *Criminal Proceedings against Maria Pupino*, ECR 2005, p. I-5285.
- Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union - OJ C 83 of 30 March 2010.
- Council Decision 2002/187/JHA of 28 February 2002 setting up Eurojust with a view to reinforcing the fight against serious crime – OJ L 63 of 6 March 2002, p. 1-13.
- Council Framework Decision 2000/383/JHA of 29 May 2000 on increasing protection by criminal penalties and other sanctions against counterfeiting in connection with the introduction of the euro - OJ L 140 of 14 June 2000, p. 1-3.
- Council Framework Decision 2002/475/JHA of 13 June 2002 on combating terrorism – OJ L 164 of 22 June 2002, p. 3-7.
- Council Framework Decision 2002/584/JHA of 13 June 2002 on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States – OJ L 190 of 18 July 2002, p. 1-20.
- Council Framework Decision 2002/629/JHA of 19 July 2002 on combating trafficking in human beings – OJ L 203 of 1 August 2002, p. 1-4.
- Council Framework Decision 2004/757/JHA of 25 October 2004 laying down minimum provisions on the constituent elements of criminal acts and penalties in the field of illicit drug trafficking – OJ L 335 of November 2004, p. 8-11.
- Council Framework Decision 2005/222/JHA of 24 February 2005 on attacks against information systems – OJ L 69 of 16 March 2005, p. 67-71.
- Council Framework Decision 2008/841/JHA of 24 October 2008 on the fight against organised crime – OJ L 300 of 11 November 2008, p. 42-45.
- Council of Europe Convention No 197 on Action against Trafficking in Human Beings. <http://conventions.coe.int> (accessed September 1, 2011).
- Directive 2011/36/EU of the European Parliament and of the Council of 5 April 2011 on preventing and combating trafficking in human beings and protecting its victims, and replacing Council Framework Decision 2002/629/JHA – OJ L 101 of 15 April 2011, p. 1-11.
- Explanatory Report to Council of Europe Convention No 197 on Action against Trafficking in Human Beings. <http://conventions.coe.int> (accessed September 1, 2011).
- Joint action 98/733/JHA of 21 December 1998 adopted by the Council on the basis of Article K.3 of the Treaty on European Union, on making it a criminal offence to participate in a criminal organisation in the Member States of the European Union – OJ L 351 of 29 December 1998, p. 1-3.

- Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on preventing and combating trafficking in human beings, and protecting victims, repealing Framework Decision 2002/629/JHA – COM/2010/0095 final.
- Schengen Agreement of 14 June 1985 between the Governments of the States of the Benelux Economic Union, the Federal Republic of Germany and the French Republic on the gradual abolition of checks at their common borders and Convention of 19 June 1985 implementing the Schengen Agreement – OJ L 239 of 22 September 2000, p 1-10.
- Treaty on European Union, signed at Maastricht, 7 February 1992 (1992) – OJ C 191 of 29 July 1992.
- Treaty on European Union (Consolidated version 1997) – OJ C 340 of 10 November 1997.
- Treaty on European Union (consolidated text) – OJ C 325 of 24 December 2002.
- Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts, signed at Amsterdam, 2 October 1997 – OJ C 340 of 10 November 1997.
- Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts, signed at Nice, 26 February 2001 – OJ C 80 of 10 March 2001.
- Treaty establishing a Constitution for Europe – OJ C 310 of 16 December 2004.
- Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 – OJ C 306 of 17 December 2007.
- United Nations Declaration on Measures to Eliminate International Terrorism annex to UN General Assembly resolution 49/60 Measures to Eliminate International Terrorism of December 9, 1994, UN Doc. A/Res/60/49.
<http://www.un.org/documents/ga/res/49/a49r060.htm> (accessed September 1, 2011).

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ УКРАИНИСТОВ В БРНЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Jitka MICHÁLIKOVÁ, Mgr
Faculty of Art, Masaryk University
J. Faimonové 19, 628 00 Brno
michalikovaj@email.cz

В статье представляется курс «Украинская юридическая терминология» и определяются проблемы, связанные с преподаванием этого курса в рамках специальности «Украинский язык и литература» на Философском факультете Университета имени Масарика в Брно, Чешская Республика. В результате политических, экономических, культурных и социальных изменений в течение 90-ых годов существенно укрепились украинско-чешские отношения не только в сфере дипломатии, бизнеса, но и в других областях человеческой деятельности, что повлекло за собой потребность изучения специальной терминологии, прежде всего экономической и юридической. Введение вышеуказанного курса в учебную программу студентов-украинистов предполагает формирование более широкой языковой и фоновой компетенции учащихся, а также предоставляет больший выбор для трудоустройства выпускников.

MODERNIZATION OF EDUCATION FOR STUDENTS OF UKRAINIAN LANGUAGE AT MASARYK UNIVERSITY IN BRNO

Abstract: This article is focused on the presentation of Ukrainian Studies – one of the specialized programs offered at the Department of Slavonic Studies at the Faculty of Arts, Masaryk University in Brno. Political, economic, and business relations between the Czech Republic and Ukraine deepened profoundly after 1991, as a consequence of Ukraine's independence. This resulted in an inclusion into the Ukrainian language program of a subject dealing with the issues of law terminology as well as translation of official, judicial and other juridical documents. This article shows not only the conception of the course “Ukrainian Language in the Domain of Law“ but also another activities of the department which are related to the language of law – for example organizing Ukrainian-Czech terminology seminars in co-operation with the Chamber of Court Appointed Interpreters and Translators of the Czech Republic. The problems in translation of law terminology from and into Czech language are outlined as well. So far, these issues have not been thoroughly researched and that is why there is the need for specialists in philology, especially in Ukrainian philology.

REFORMA KSZTAŁCENIA STUDENTÓW FILOLOGII UKRAIŃSKIEJ W UNIwersYTECIE MASARYKA W BRNIE

Autorki omawiają program kształcenia filologii ukraińskiej na Uniwersytecie Masaryka w Brnie i zmiany, jakie zostały w nim wprowadzone pod wpływem przemian politycznych i ekonomicznych. Jedną ze znaczących zmian było wprowadzenie do programu studiów przedmiotów związanych z terminologią prawną i prawniczą, przekładem prawniczym. Ponadto, przedstawiona została współpraca akademicka z Izbą Tłumaczy Sądowych Republiki Czeskiej. Na uwagę zasługuje również problem przekładu prawniczego z języka czeskiego na języki obce i vice versa.

MODERNIZACE PŘÍPRAVY UKRAJINISTŮ NA BRNĚNSKÉ UNIVERZITĚ

Tento článek se zaměřuje na představení oboru ukrajinský jazyk a literatura v rámci Ústavu slavistiky FF MU v Brně, Česká republika. V důsledku získání v r. 1991 nezávislosti Ukrajiny se značně prohloubily politické, obchodní, kulturní a vzdělávací vztahy mezi Českou republikou a Ukrajinou. To bylo určitým podnětem k tomu, aby byl do studijního programu oboru zařazen předmět věnující se právníké terminologii a překladu jednotlivých úředních, soudních a ostatních právnických dokumentů. Je zde načrtnuta nejen koncepce kurzu „Ukrajinský jazyk v právníké sféře“, ale také ostatní aktivity oboru ukrajinský jazyk a literatura týkající se jazyka práva – např. spolupráce s Komorou soudních tlumočnicků ČR při organizování ukrajinsko-českých terminologických seminářů. V krátkosti jsou představeny i problémy překladu právníké terminologie do jazyka českého a naopak. Tato problematika je dosud velmi málo prozkoumaná, proto jsou velmi potřební lingvisté-specialisté v této oblasti, kteří by mohli pokračovat v započatém díle.

Україністика, як самостійна спеціальність на філософському факультеті Університету імені Масарика в Брно (Чеська Республіка), існує вже 17 років. В листопаді 2008 г. преподаватели і студенти відділення україністики організували конференцію, яка була присвячена 15-літній годовщині преподавання українського мови і літератури в вищеуказанному університеті. Участь в конференції прийняли відомі вчені нашої країни і із-за рубежа, студенти і аспіранти україністики. Так, наприклад, крім доповідачів із трьох україністических центрів Чеської Республіки (Прага, Брно, Оломоуц) серед учасників були гості із Німеччини, Польщі, Сполучених Штатів Америки і України.

Начало україністики в Бреннському університеті неотъемлемо пов'язано з доцентом Галиною Михайлівною Мироною, кандидатом філологічних наук, яка 17 років тому назад, в листопаді 1994 г., приїхала із Київського державного університету імені Т. Г. Шевченка в Брно як іноземний лектор. Значительну допомогу в відкритті і становленні нової спеціальності оказали співробітники кафедри російської мови, в рамках якої україністика делала свої перші кроки. Це, перше за все, завідувачий в то время кафедрой доцент Алеш Бранднер, старший преподаватель Татьяна Юржичкова, профессор

Станислав Жажа, позже, после реорганизации структуры славянских подразделений, заведующий Институтом славистики, профессор Иво Поспишил.

В связи с приобретённой в 1991 году независимостью Украины в этой стране произошли существенные изменения. Значительное количество лексических единиц украинского языка подверглось различного рода модификациям, в частности конкретизации, уточнению, изменению своих предыдущих значений, появилось огромное количество новых слов, которые ещё в конце прошлого века в отдельных терминосистемах украинского языка, прежде всего в юридической, политической, экономической сферах, совсем не встречались. Анализу сложившейся ситуации и возникшим проблемам были посвящены научные конференции и симпозиумы, опубликованы сборники, а также ряд научных работ, среди которых, на наш взгляд, наиболее интересными являются, напр.: Артикуца, Н.: *Українська правнича термінологія в європейському контексті: проблеми і перспективи вивчення*// Українська термінологія і сучасність. К. 2009, с. 286-289, Крижанівська А. В.: *Проблеми упорядкування термінолексики на сучасному етапі*// Мовознавство, 1984. Ч 1, с. 12-19, Прадід Ю. Ф.: *Мовне питання в українських конституціях ХХ століття*// Мовознавство, 2002, ч. 1, с. 17-22, Симоненко Л.О.: *Лінгвістичні проблеми унормування наукової термінології*//Українська термінологія і сучасність. Зб.наук.праць. Випуск 7. К: КНЕУ, 2007, с. 21-25, Стишов О. А.: *Особливості розвитку лексичного складу української мови кінця ст.*// Мовознавство, 1999, ч 1, с. 7-21 и др.

Характеризуя взаимоотношения Чешской Республики и Украины, необходимо отметить, что с начала 21 века они значительно углубились. В 2005 г. были сняты визовые ограничения для граждан Чешской Республики и это повлекло за собой открытие границ и большую возможность проникновения на украинский и чешский рынки. Украинские фирмы стараются проникнуть на чешский рынок, и наоборот, многие чешские предприятия открывают на территории Украины свои филиалы. В сфере просвещения организуются студенческие обмены между чешскими и украинскими студентами, университеты устанавливают новые контакты не только в сфере образования, но и в научно-исследовательской области. Несомненно, что всё вышеуказанное должно быть обосновано различного типа документами, можно упомянуть, напр., контракт на поставку, договор купли-продажи, устав акционерного общества, доверенность и т.п. Так как все переговоры ведутся на международном уровне, приведённые выше необходимые документы оформляются на языках обеих участвующих в них странах, в данном случае на чешском и украинском.

На основе вышеуказанных обстоятельств в учебную программу был включён предмет, с помощью которого студенты могли ознакомиться с базисными, самыми важными и необходимыми юридическими терминами на украинском языке, с отдельными документами на украинском и чешском языках, могли овладеть основными знаниями в области коммерческой корреспонденции и коммерческих переговоров. Первыми результатами интереса к этой области терминологии были дипломные работы студентов Йитки Михаликовой (терминология уголовного права – *До питання про формування юридичної*

термінології української мови (на матеріалі кримінального кодексу України), Оксаны Газдошовой (создание чешско-украинского юридического словаря и проблемы перевода - *До проблеми створення Чесько-українського юридичного словника та перекладу юридичної термінології*), Мартыны Черкасовой (юридическая терминология – *До питання формування української юридичної термінології та проблеми її перекладу*) и Яны Плоцковой (терминология гражданского права - *K otázce odborného názvosloví právní terminologie (občanského práva) z ukrajinštiny do češtiny*).

Магістр Оксана Газдошова после окончания университета продолжила учёбу в аспирантуре. Результатом пятилетних совместных усилий с доцентом Галиной Мироновой является чешско-украинский юридический словарь, изданный в 2009 году. Этот словарь – фундаментальный источник для дальнейшего ознакомления с языком права, потому что до этого времени в истории украинской и чешской лексикографии не существовало такого вида двуязычного словаря.

Автор настоящей статьи поступил в аспирантуру в 2007 году, темой диссертационной работы является проблематика развития юридической терминологии украинского языка (на материалах метрических документов). Вместо доцента Г. Мироновой автор статьи читает курс лекций по введению в язык права, который называется «Украинский язык в юридической сфере».

Доцент Миронова продолжает эту тему со студентами старших курсов, где предполагается хорошее знание украинского языка и основное овладение юридической терминологией.

Курс «Украинский язык в юридической сфере» задуман как факультативный семинар, предназначенный для студентов второго и третьего курсов, потому что немаловажным условием для его успешного окончания является знание украинского правописания и грамматики. Концепция этого курса – введение в учение о термине и терминологии, информация об официально-деловом стиле, основные этапы и закономерности развития украинской юридической терминологии, дифференциация терминов по происхождению, их источники, ознакомление с продуктивными и непродуктивными типами образования терминологических единиц, анализ лингвистических явлений синонимии, антонимии, омонимии, паронимии. Студенты должны отличить термин от общеупотребляемого слова, суметь охарактеризовать его значение, правильное стилистическое употребление и грамматическую сочетаемость. На основе собственных знаний об украинском языке студенты также должны указать типовые лексико-грамматические модели сочетаемости терминов, их правильное использование.

Следует отметить, однако, что курс, прежде всего, имеет практический характер. После теоретического ознакомления начинаются практические занятия. Фактически речь идёт о переводе чешских и украинских документов. В первом семестре, т. к. этот курс двухсеместровый, студенты рассматривают метрические документы, а именно: свидетельство о рождении (*свідоцтво про народження*), свидетельство о браке (*свідоцтво про укладення шлюбу*), свидетельство о разводе (*свідоцтво про розірвання шлюбу*), свидетельство о смерти (*свідоцтво про смерть*), гражданский паспорт (*посвідчення особи*), заграничный паспорт (*закордонний*

паспорт), разрешение на жительство (*довідка про дозвол на проживання*), заявление о предоставлении идентификационного номера (*заява про надання ідентифікаційного номера*), документ о зарегистрированном партнерстве (*довідка про цивільне партнерство*), хотя такого документа на Украине не существует, потому что в этой стране ещё не было зарегистрированное партнерство официально признано как особый тип брака. Во втором семестре внимание студентов обращается на следующие документы: водительское удостоверение (*посвідчення водія*), свидетельство о техосмотре (*технічний паспорт транспортного засобу*), выписка из реестра судимости (*довідка про несудимість*), доверенность (*доручення, довіреність*), диплом о среднем/высшем образовании (*диплом про середню спеціальну/вищу освіту*), приложение к диплому (*додаток до диплома*). Всё это личные документы, которые для каждого очень важные в повседневной жизни. Позже студенты переводят разные постановления (*постанови*), официальные записи (*офіційні записи*), судебные решения (*судові рішення*), протоколы (*протоколи*) и другие документы, с которыми можно встретиться в судах и органах государственного управления.

В октябре 2009 г. нам удалось провести недельный курс юридического языка, который был прочитан кандидатом филологических наук, доцентом Киево-Могилянской академии Наталией Артыкуцей, занимающейся юридической терминологией. Кроме теоретических замечаний о термине и терминологии, студенты выслушали интересные наблюдения исследовательницы о проблемах, возникающих при создании новых законов и постановлений на Украине, а также об актуальных проблемах при переводе юридической терминологии в европейском контексте.

Правильный перевод документа означает правильно и точно передать содержание оригинала, осуществить адекватный и полноценный перевод. Стиль оригинала должен отвечать нормам языка перевода, переводчику необходимо точно подобрать эквиваленты терминов и общеупотребительных слов.

Самая большая проблема возникает при передаче значений лексических единиц текста оригинала. Речь идёт не только о специальных юридических терминах, но, прежде всего, об общеупотребительной лексике, которая может в юридических текстах приобретать специальное значение. Так, напр., часто употребляемое украинское слово «*випадок*» имеет значение *случай* (Єрмоленко 1999, 587). Однако в словаре «Юридичні терміни. Тлумачний словник» у слова *випадок* можно найти следующее толкование слова: «юридический факт, по которому лицо может быть освобождено от имущественной ответственности, поскольку отсутствует его вина» (Гончаренко 2003, 45).

Украинский и чешский языки принадлежат к группе славянских языков, поэтому в обоих языках могут существовать одинаковые по написанию единицы языка, иногда даже совпадающие по значению. Украинское терминосочетание *Генеральна прокуратура* (рус. *Генеральная прокуратура*) студенты неправильно переводят на чешский язык как «*Generální prokuratura*» (Генеральная прокуратура). Кто-то может возразить, что такое терминосочетание в чешском языке существует, однако, этот термин использовался в чешской юриспруденции как наименование

соответствующего государственного органа до 31 декабря 1993. С 1 января 1994 г. прокуратура была заменена системой «*státního zastupitelství*» (*Zákon č. 283/1993 Sb. o státním zastupitelství*). В таком случае точный и адекватный перевод на чешский язык терминосочетания *Генеральна прокуратура* – «*Nejvyšší státní zastupitelství*». Чешский термин «*Generální prokuratura*» уже принадлежит к сфере неактивной, архаической лексики и может быть использован только при переводе материалов соответствующего периода.

Часто при переводе юридических терминов возникает проблема иного характера, когда студенты переводят термин на другой язык буквально, слово в слово. Так, напр., устойчивое чешское терминосочетание «*kupní smlouva*» (рус. **договор купли-продажи**) в украинском языке звучит **договір купівлі-продажу**. Перевод некоторых студентов - *торгівельна угода* (на русском языке – *покупный договор*). Аналогично можно привести пример относительно перевода чешского термина «*trestní*» (рус. **уголовный**) на украинский язык как **тrestний** вместо правильного **кримінальний, карний**. Слово **тrestний** в украинском языке вовсе не существует.

Особое внимание необходимо обращать на семантику терминов, так как студенты очень часто смешивают понятия, напр.: **громадянство – національність** (рус. **гражданство – национальность**). Первый термин обозначает «принадлежность к числу граждан государства, правовое положение граждан» (Ожегов и Шведова 1999, 143), второй имеет значение «принадлежность к какой-нибудь нации, народности» (Ожегов и Шведова 1999, 398). Другой пример: **ідентичність – ідентифікація** (рус. **идентичность – идентификация**). **Ідентичність = тождество, ідентифікація =** «признание тождественности, отождествление объектов, опознание. В криминалистике процесс установления тождества конкретного объекта или личности по совокупности общих и частных признаков путём сравнительного их исследования в целях получения судебных доказательств» (*slovari.yandex.ru*). Это были примеры некоторых ошибок, которые очень часто встречаются в контрольных работах студентов.

Курс «Украинский язык в юридической сфере» имеет огромное значение с точки зрения реальной возможности будущего трудоустройства, потому что в Чешской Республике находится значительное количество судебных инстанций, расширяется деятельность больших предприятий, которые сотрудничают с украинскими деловыми партнёрами. Некоторые наши выпускники уже работают в сфере переводческих услуг как судебные переводчики.

Подытоживая достижения нашего отделения украинистики, следует отметить, кроме уже упомянутого чешско-украинского юридического словаря, совместное участие при организации терминологических семинаров, которые проводит Палата судебных переводчиков в Праге. Первый украинско-чешский терминологический семинар состоялся в декабре 2008 г. в Праге. Во втором семинаре, который был проведён в октябре 2009 г. на философском факультете Университета имени Масарыка в Брно уже при активном сотрудничестве Палаты судебных переводчиков и отделения украинистики Института славистики философского факультета, приняла участие кандидат филологических наук, доцент

Наталья Артыкуца, выступившая с докладом о проблемах перевода юридических текстов. Третий терминологический семинар, осуществлённый 22 мая 2010 г. в Брно, был организован совместными усилиями Палаты и сотрудниками нашего отделения украинистики. Главным докладчиком была кандидат филологических наук, профессор Людмила Сымоненко, которая работает в терминологическом отделе Института украинского языка Национальной Академии наук Украины. Для участников семинара ею были прочитаны лекции о проблемах языковой нормы в Уголовном кодексе Украины, современной украинской терминологии и терминографии. В последнем украинско-чешском терминологическом семинаре приняли участие и судебные переводчики, которые коснулись актуальной темы транскрипции собственных имён, что является очень важной проблемой для каждого переводчика, который переводит тексты с кириллицы на латинский шрифт.

В будущем мы планируем продолжать наше сотрудничество с Палатой судебных переводчиков в организации семинаров, касающихся юридической терминологии и проблем адекватного перевода разных документов. В перспективе коллективом отделения украинистики запланировано также создание украинско-чешского юридического словаря. Мы отдаём себе отчёт, что это очень трудная и сложная работа, требующая специалистов, которые будут достаточно ознакомлены с языком в сфере экономики, права, предпринимательской деятельности, бизнеса. Надеемся, что в будущем нам удастся найти таких лингвистических специалистов среди выпускников специальности «украинский язык и литература» философского факультета Университета имени Масарыка в Брно и привлечь их к этой важной для обеих стран работе.

Библиография

- Чесько-український словник у двох томах.* 1989. Київ: Наукова думка.
- Гончаренко, В. Г., ред. 2003. *Юридичні терміни.* Глумачний словник. Київ: Либідь.
- Єрмоленко, С. Я., Пустовіт, Л. О., ред. 1999. *Новий російсько-український словник-довідник.* Київ: Довіра.
- Ожегов, С.И., and Шведова, Н.Ю. 1999. *Толковый словарь русского языка.* Москва
- Kurimský, Andrej, Šišková, Růžena and Savický, Nikolaj. 1994. *Ukrajinsko-český sklovník.* Praha: Academia.
- Myronova, Halyna and Gazdošová, Oxana. 2009. *Česko-ukrajinský právnický slovník.* Brno: Masarykova univerzita.
- Slovari.yandex.ru <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00028/72300.htm>.

ПЕРВЫЙ ЧЕШСКО-УКРАИНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Оксана ГАЗДОШОВА, магистр
Институт славистики, Философский факультет,
Университет имени Масарика
Mgr. Oxana Gazdošová
Ústav slavistiky, Filozofická fakulta MU
Arna Nováka 1, 602 00 Brno, Česká republika
Oxana.Gazdosova@seznam.cz

Заявка. В докладе презентуется Чешско-украинский юридический словарь (*Česko-ukrajinský právnický slovník* / Чесько-український юридичний словник) Галины Мыроновой и Оксаны Газдошевой, изданный в 2009 году в Брно, в Чехии, который является первым произведением / публикацией своего рода как в чешской, так и в украинской лексикографии. Словарь вмещает приблизительно 15000 чешских статей, многословных названий и закреплённых словосочетаний, которые часто появляются в юридических текстах и которым соответствуют около 20 000 украинских эквивалентов. В докладе тоже представлена работа и самые частые и большие лингвистические, а тоже экстралингвистические проблемы, связанные со составлением этого словаря.

THE FIRST CZECH-UKRAINIAN LEGAL DICTIONARY

Abstract: The paper presents Halyna Myronova and Oxana Gazdosova's *Czech-Ukrainian Legal Dictionary* (*Česko-ukrajinský právnický slovník*) published in 2009. There are also given problems that appeared while compiling the dictionary, the most difficult being the necessity to choose the relevant equivalent from a synonymy chain. Further, hypernymous and hyponymous relations among the legal terms had to be analyzed – paronymy and homonymy. An attention is focused on translation of words of foreign origin, internationalisms or translation of realia.

PRVNÍ ČESKO-UKRAJINSKÝ PRÁVNICKÝ SLOVNÍK

V článku je představen *Česko-ukrajinský právnický slovník* Halyny Myronové a Oxany Gazdošové vydaný v roce 2009. Kromě toho jsou krátce uvedeny problémy, které se objevily během sestavování slovníku. K největším potížím náležel výběr odpovídajícího ekvivalentu ze synonymické řady. Dále musely být analyzovány hyperonymické a hyponymické vztahy mezi právními termíny, paronymie nebo homonymie. V závěrečné části je pozornost věnována rovněž překladu slov cizího původu a internacionalizmů nebo překladu reálií.

PIERWSZY CZESKO-UKRAIŃSKI SŁOWNIK PRAWNICZY

Abstrakt: Artykuł omawia problemy związane z przygotowaniem pierwszego czesko-ukraińskiego słownika prawniczego przygotowanego przez Halynę Myronovą i Oханę Gazdosovą. Słownik został wydany w 2009 roku. Autorka omawia kwestie związane z doбором właściwych ekwiwalentów z ciągów synonimicznych, problem hiponimii i hiperonimii pól znaczeniowych terminów w obu językach, a także przekład internacjonalizmów, zapożyczeń i terminów bezekwiwalentowych.

В статье кратко изложены проблемы, которые возникли во время многолетней работы над Чешско-украинским юридическим словарем.

Отношения между Чешской Республикой и Украиной в последнем десятилетии XX века явно активизировались, они постоянно расширяются и укрепляются не только в сфере культуры и науки, но также торговли – чешские предприятия тесно сотрудничают с украинскими фирмами, кроме того, в Чехию приезжают работать тысячи украинцев.

Украинцы составляют наибольшее национальное меньшинство в Чехии. По данным Полиции по делам иностранцев Министерства внутренних дел ЧР, на 31 июля 2011 г. в Чешской Республике зарегистрировано 413 928 иностранцев, среди которых 27 % (т.е. 112 217 чел.) – украинцы (Český statistický úřad [Чешское статистическое управление]). Действительное же количество украинцев в Чехии гораздо больше. По оценкам экспертов, на территории ЧР проживет приблизительно 200-250 тысяч граждан Украины.

В связи с описанной ситуацией в Чешской Республике не только вырос спрос на переводчиков украинского языка, но и появилась необходимость в срочной разработке чешско-украинской терминологии (прежде всего, юридической и экономической) и в составлении терминологических словарей.

В настоящее время переводчики располагают всего лишь несколькими переводными чешско-украинскими или украинско-чешскими изданиями. Так, в 2000 году был издан первый терминологический переводной словарь *Praktický česko-ukrajinský slovník: ekonomika, finance, obchod* (Anderš, Danylenko 2000). В 2004 году был подготовлен украинско-чешский вариант этого словаря *Ukrajinsko-český slovník: ekonomika, finance, obchod* (Anderš, Danylenko 2004). Оба словаря содержат около 10 000 реестровых слов.

Недостаток терминологических переводных словарей в Чехии значительно затрудняет работу не только переводчикам, но и преподавателям и студентам. Заполнить возникший на чешском и украинском книжном рынках пробел попытались составители Чешско-украинского юридического словаря, первого словаря данного рода в истории чешской и украинской лексикографии. Публикация предназначена для широкого круга пользователей – не только для переводчиков, студентов и преподавателей, но и для юристов, сотрудников полиции, представителей чешских и украинских государственных органов и фирм, для предпринимателей и т. д.

Словарь, над которым авторы, Галина Миронова и Оксана Газдошова, работали пять лет, был издан в 2009 году издательством Университета имени Масарика в Брно (Myronova, Gazdošová 2009).

Чешско-украинский юридический словарь содержит около 15 000 чешских правовых терминов, устойчивых словосочетаний и актуальных понятий из разных отраслей права (прежде всего, из гражданского, уголовного, процессуального, семейного, коммерческого и конституционного права) и почти 20 000 украинских эквивалентов. Публикация также включает термины из тех областей, которые непосредственно связаны с юридической практикой (это касается, прежде всего, политической, экономической и частично медицинской терминологии). Кроме того, в словаре встречаются часто употребляемые общие выражения, устойчивые словосочетания и фразеологизмы, используемые юристами в широкой сфере их деятельности. Частично в реестр словаря включены разговорные выражения, употребляемые в юридической сфере. В распоряжении пользователей также находятся приложения, представляющие собой реестры с техническими терминами, относящимися к сфере транспортных средств и безопасности движения транспорта, к сфере использования оружия и т. д. (см. подробнее Вступ к Myronova, Gazdošová, 5-10).

Следует отметить, что в мае 2010 года Чешско-украинский юридический словарь завоевал третье место на международном конкурсе «Словарь 2009 года», организованном Коллегией судебных переводчиков Чехии (Jednota tlumočnicků a překladatelů), в категории «переводной словарь».

При составлении реестра словаря авторы использовали ряд специальных чешских и украинских лексикографических работ. Первостепенными источниками для сбора материала были также последние издания кодексов обоих государств и различные оригинальные правовые документы (свидетельства о рождении, браке, разводе и т. п., решения суда, договоры, справки, приказы, постановления и пр.).

В течение сбора и обработки материала словаря авторы интенсивно сотрудничали с чешскими и украинскими юристами и специалистами смежных областей (прежде всего, следует отметить сотрудничество с доцентом юридического факультета Киево-Могилянской академии Наталией Артыкуцой, которая в настоящее время является одним из ведущих специалистов в сфере украинской и русской юридической терминологии в Украине).

При составлении словаря мы столкнулись со многими проблемами, среди которых здесь отметим самые важные.

Наиболее сложным для составления словаря оказался факт отсутствия в Чешской Республике и Украине юриста, который бы владел обоими языками – чешским и украинским, а также хорошо знал правовые системы обеих стран. Именно поэтому сложные случаи (когда мы не могли найти соответствующий эквивалент к чешскому термину или выражению или не были уверены, что наш перевод точный), необходимо было проверять посредством русского языка. Этот метод, однако, далеко не идеальный, так как при двойном переводе (с чешского языка на русский, а потом с русского на украинский) могут произойти

определенные семантические сдвиги, которые, безусловно, не желательны в такой работе (Gazdošová 2005, 39).

Прежде чем перейти к конкретным примерам, необходимо подчеркнуть, что материал был analyzed, главным образом, с лингвистической точки зрения, поэтому в словаре также приведены дефиниции терминов, не представляющие сложности для юристов, или же включены слова, которые на первый взгляд выглядят как юридические термины, но в юридических текстах отсутствуют.

К наиболее частым проблемам, с которыми сталкивается лексикограф, относится наличие синонимов, поскольку **синонимия** считается в терминологии, в отличие от публицистического или художественного стиля, негативным и нежелательным явлением.

При обработке словаря трудности возникали, в первую очередь, в связи с выбором соответствующего эквивалента из синонимического ряда. Затруднения заключались, прежде всего, в том, что к чешскому термину общий переводной словарь часто приводит несколько украинских синонимических эквивалентов, но в языке права употребляются только некоторые из них. В других случаях слова, которые в повседневном языке воспринимаются как синонимы, могут выражать в сфере права разные понятия. Поэтому необходимо было проанализировать термины не только с лингвистической, но и с юридической точки зрения (более подробно см.: Gazdošová 2006, 113).

Примером к проблематике выбора эквивалентов из синонимического ряда служит перевод чешского термина *nevina* [р. невиновность]. Трудности возникли вследствие того, что в украинском Уголовно-процессуальном кодексе встречаются два термина – *невинність* (Кримінально-процесуальний кодекс України, Стаття 369, Стаття 400-6) и *невинуватість* (Кримінально-процесуальний кодекс України, Стаття 3, Стаття 334). Аналогично можем найти как в Уголовно-процессуальном, так и в Уголовном кодексах два варианта субстантивированных прилагательных – *невинний* (Кримінально-процесуальний кодекс України, Стаття 2, Стаття 335), *невинуватий* (Кримінальний кодекс України, Стаття 2).

Юристы понимают упомянутые лексемы как синонимы (Вереша 2004, 12), однако некоторые лингвисты рекомендуют использовать термины *(не)вина*, *(не)винний*, *(не)винність* в юридических текстах, в то время как лексемы *(не)винуватий*, *(не)винуватість* считать элементами художественного стиля и бытовой сферы (см. например, подробнее Зайцев, 1994, 62-63).

Приводим еще один пример к теме выбора эквивалентов из синонимического ряда – перевод чешского терминологического словосочетания *plná moc* на украинский язык. В украинском законодательстве существуют два эквивалента чешского термина – *довіреність* [р. доверенность] и *доручення* [р. поручение]. Сначала мы рассматривали их синонимами, как они употребляются в повседневной речи, но анализ дефиниций обеих терминологических единиц показал, что вышеуказанные лексемы обозначают немного отличающиеся понятия. В Гражданском кодексе Украины термины толкуются следующим образом: «доверенностью признается письменный документ, выдаваемый одним лицом

другому лицу для представительства перед третьими лицами» (Цивільний кодекс України, ст. 244), в то время как «по договору поручения одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия» (Цивільний кодекс України, ст. 1000).

Несмотря на то, что украинские термины в определенной степени отличаются, лица, которые выдают или принимают доверенность или поручение, называются в обоих случаях одинаково – *довіритель* (ч. *zmocnitel*, р. доверитель) и *повірений* (ч. *zmočněnec*, р. поверенный).

Хотя чешский термин полностью не передает разницу между чешским и украинским понятием, но эта вытекает из текста конкретного документа, где бывают перечислены отдельные сделки, которые поверенный может совершить.

Гиперонимические и гипонимические отношения между правовыми терминами в реестре словаря, могут быть проиллюстрированы следующим рядом терминов: ч. *delikt* – *přestupek* – *trestný čin* [р. правонарушение – проступок – преступление].

Чешский термин *delikt* – общее название для общественно опасных действий (Hendrych 2009, 131). В криминалистике дифференцируют несколько типов упомянутых действий: *přestupek* (*správní delikt*) и *trestný čin*, которые находятся в гипонимических отношениях к термину *delikt*. В украинском юридическом языке зафиксированы следующие эквиваленты:

- (i) ч. *delikt* – укр. *правопорушення* (*делікт* используется только в теории права);
- (ii) ч. *přestupek* – укр. *адміністративне правопорушення* (*проступок*);
- (iii) ч. *trestný čin* – укр. *злочин* (Gazdošová 2005, 58).

Проблемы при переводе в некоторых случаях обусловлены **полисемией**. Как в чешской, так и в украинской правовой терминологии встречаемся с многозначными терминами. Переводчик в своей работе вынужден выбрать из нескольких значений в зависимости от контекста самый точный эквивалент.

Ниже приводим несколько примеров из анализируемого материала:

ч. *působnost*

- (i) укр. *компетенція, сфера діяльності* [р. деятельность, компетентность]: ч. *působnost soudu* – укр. *компетенція суду*;
- (ii) укр. *дія* [р. деяние]: ч. *časová, teritoriální působnost zákonů* – укр. *дія законів у часі, просторі*;

ч. *zástupce*

- (i) укр. *заступник, замісник* [р. заместитель]: ч. *zástupce ředitele* – укр. *заступник, замісник директора*;
- (ii) укр. *представник* [р. представитель]: ч. *konzulární zástupce* – укр. *представник консульства*;

ч. *zákonný zástupce* – укр. *законний представник* [р. законный представитель].

В свою очередь словосочетание *právní zástupce* [р. адвокат]: переводится на украинский другим термином: *адвокат, представник*. Аналогичную ситуацию

наблюдаем и у терминологической лексемы *státní zástupce* (укр., р. *прокурор*) (Gazdošová 2007, 68).

Переводчики и лексикографы должны быть внимательны и в связи с имеющимися в юридических текстах случаями **паронимии**, например: укр. *nidozřilý* – ч. *podezřelý* (предмет) [р. подозрительный]: укр. *nidozřuvaný* – ч. *podezřelý* (лицо, субстантивированное прилагательное) [р. подозреваемый].

Определенные трудности также могут быть вызваны наличием **омонимов**, прежде всего межъязыковых, например:

укр. *банкрот* (ч. *bankrotář*, р. банкрот) – ч. *bankrot* (укр. *банкрутство*, р. банкротство);

укр. *порушення* (ч. *porušení, zahájení*, р. нарушение, возбуждение):

(i) укр. *порушення конституції* – ч. *porušení ústavy* [р. нарушение конституции];

(ii) укр. *порушення кримінальної справи* – ч. *zahájení trestního stíhání* [р. возбуждение уголовного преследования] (Gazdošová 2005, 60).

Самостоятельная проблема – **перевод иностранных слов и интернационализмов**, среди которых существует большое количество так называемых «фальшивых друзей переводчика».

Следует учесть и то, что иностранные термины в обоих языках могут отличаться родами. Так, например, чешские термины *recidiva, suverenita* и *špionáž* женского рода, тогда как их украинские эквиваленты *рецидив, суверенітет* и *шпіонаж* мужского; *depozitum, narkotikum* и *precedens* в чешском языке среднего рода, а в украинском *депозит, наркотик* и *прецедент* – мужского.

Переводчики должны помнить о том, что в некоторых случаях заимствованным терминам в чешском языке соответствуют собственно украинские термины (например, ч. *azyl* – укр. *притулок*, ср. р. убежище; ч. *exekuce* – укр. *примусове виконання*, р. – принудительное исполнение) или наоборот – украинские термины иностранного происхождения имеют эквиваленты чешского происхождения (например, укр. *арешт* – *vazba*, укр. *кодекс* – ч. *zákoník*; укр. *юрист* – ч. *právník*).

Интернационализмы могут вызывать трудности в связи с тем, что они приспосабливаются правилам каждого языка или в некоторых случаях могут быть заимствованы из разных языков. Так, в частности, в чешском и украинском языках они образованы с помощью разных суффиксов (например, ч. *aukce* – укр. *аукціон*, ч. *konzulát* – укр. *консульство*, ч. *notář* – укр. *нотаріус*) или отличаются орфографически (например, ч. *licence* – укр. *ліцензія*, ч. *imigrace* – укр. *імміграція*, ч. *kriminální* – укр. *кримінальний*).

Большой проблемой является также перевод терминов, которые существуют только в чешской или украинской правовой системе. Чаще всего речь идет о названиях учреждений, институций, документов. Иллюстрацией сказанному может служить чешский термин *cizinecká policie* [р. полиция по делам иностранцев]. Часто, даже в официальных документах встречается буквальный перевод – іноземна поліція, который мы, однако, не считаем правильным, т.к. украинское выражение *іноземний* имеет значение «чужой, заграничный», но в нашем случае речь идет не о чужой полиции или полиции другой страны,

а о полиции, которая работает в сфере иммиграции. Другие предлагаемые варианты: імміграційна служба, імміграційна поліція, поліція по роботі з іноземними громадянами, наше предложение: *поліція у справах іноземців*.

В некоторых случаях в украинских кодексах или официальных документах употребляются калькированные или русифицированные термины. Именно поэтому иногда тяжело сделать выбор: дать предпочтение выражению, употребляемому в теории права или в юридической практике? Так, например, чешское терминологическое словосочетание *spáchat trestný čin* в украинских кодексах фигурирует как *вчинити злочин*, тогда как специалисты, главным образом, оперируют выражением *скоїти злочин*, который широко используется также в специализированных статьях, монографиях, учебниках права (см. подробнее Gazdošová 2007, 68–69).

В связи с тем, что в вышеуказанном словаре в некоторых случаях нами предложены переводы терминов, которые в украинском юридическом языке еще не существуют, то полагаем, что данная лексикографическая публикация в будущем может помочь и украинским терминологам в их работе.

Библиография

- Anderš, Josef, Ljudmyla Danylenko. 2000. *Praktický česko-ukrajinský slovník: ekonomika, finance, obchod*. Olomouc: Univerzita Palackého.
- Anderš, Josef, Ljudmyla Danylenko. 2004. *Ukrajinsko-český slovník: ekonomika, finance, obchod*. Olomouc: Univerzita Palackého.
- Český statistický úřad. Cizinci podle typu pobytu, pohlaví a státního občanství – k 31. 7. 2011.
[http://www.czso.cz/csu/cizinci.nsf/t/660051D016/\\$File/c01t01.pdf](http://www.czso.cz/csu/cizinci.nsf/t/660051D016/$File/c01t01.pdf) (30 сентября 2011 г.).
- Gazdošová, Oxana 2005. До проблеми створення Чесько-українського юридичного словника та перекладу юридичної термінології. Дипломная работа. Masarykova univerzita.
- Gazdošová, Oxana 2006. Problematika synonymie při překladu právní terminologie z češtiny do ukrajinštiny. *Zborník Rara Avis II. Zborník z 2. a 3. medzinárodnej konferencie študentov a doktorandov Trnava, apríl 2005, 2006*, 112-116.
- Gazdošová, Oxana 2007. K problematice sestavování Česko-ukrajinského právníckého slovníku. *SLAVICA IUVENUM. VIII. mezinárodní vědecká konference*. Ostrava: Ostravská univerzita, 65–70.
- Hendrych, Dušan, Miroslav Bělina, Josef Fiala, Pavel Šámal, Pavel Šturma, Ivana Štenglová. 2009. *Právnícký slovník*. Praha: C. H. Beck.
<http://www.sbcr.cz> (20 июня 2010 г.).
- Jednota tlumočnicků a překladatelů. Cena Slovník roku 2010 udělena.
http://www.jtpunion.org/spip/article.php3?id_article=1980 (30 сентября 2011 г.).
- Kurimský, Andrej, Růžena Šišková, Nikolaj Savický. 1994. *Ukrajinsko-český slovník*. Praha: Academia.

- Myronova, Halyna, Oхana Gazdošová. 2009. *Česko-ukrajinský právnický slovník*. Brno: Masarykova univerzita.
- Андерш, Й. Ф., Г. І. Неруш, В. Д. Цвях, и Г. Т. Яценко. 1989. Чесько-український словник у двох томах. Київ: Наукова думка.
- Вереша, Роман. 2004. Поняття вини як елемент змісту кримінального права України. Автореферат дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. Київ: Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка.
- Зайцев, Юрій, ред. 1994. Російсько-українсько-англійський словник правничої термінології. Труднощі терміновживання. Київ: Українська правнича фундація.
- Кримінальний кодекс України. <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2341-14> (30 сентября 2011 г.).
- Кримінально-процесуальний кодекс України. <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?page=1&nreg=1001-05> (30 сентября 2011 г.).
- Цивільний кодекс України. <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=435-15> (30 сентября 2011 г.).
- Шемшученко, Ю. С., ред. 2007. Великий енциклопедичний юридичний словник. Київ: Юридична думка.

ВЛИЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА НА СОВРЕМЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ПРИСЯЖНОГО ПЕРЕВОДЧИКА В ПОЛЬШЕ

Кагажина ЛИТВИН, магистр, **Екатерина КУЗЬМИНА**, магистр
Katarzyna LITWIN, mgr, Kateryna KUZMINA, mgr
Katedra Prawa Karnego Instytutu Wymiaru Sprawiedliwości Krakowskiej Akademii im.
Andrzeja Frycza Modrzewskiego,
Państwowy Narodowy Uniwersytet Techniczny w m. Donieck
35-068 Rzeszów, Grunwaldzka 26/4a
tlumacz@litwin.rzeszow.pl

Начало истории правовых регуляций, касающихся профессии присяжного переводчика, в законодательстве Польши достигает первой половины XX века. Уже первые правовые акты урегулировали права и обязанности переводчиков, которые потом повторялись с учётом соответствующих языковых изменений и правовых реалий, на протяжении десятилетий до настоящего времени. Данная работа представляет собой анализ правовых актов, регулирующих деятельность присяжных переводчиков в Польше, которые были изданы в 1920-1930 годах и взявшие начало с Закона от 16 июля 1920 года. Данный закон сменил Закон об уголовном процессе для бывшей австрийской аннексии путём последующих действующих приказов о присяжных переводчиках, а также приказов об оплате их деятельности. Основное внимание уделено формированию правовых регулирований в контексте их косвенного влияния на действующий Приказ об оплате деятельности присяжного переводчика и Закон о профессии присяжного переводчика.

THE IMPACT OF THE LEGISLATION OF THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY ON THE MODERN REGULATION OF THE RIGHTS AND DUTIES OF SWORN TRANSLATORS IN POLAND

Abstract: The accession of Poland to the European Union in 2004 contributed to the development of a new, modern status of sworn translators, according to the European legal standards. The history of regulations concerning the profession of sworn translator in the Republic of Poland dates back to the first half of the 20th century. The rights and duties of translators set out in the primary legal acts, have been repeated (with relevant adjustments to the language and legal realities) over the following decades up to the present day. The authors analyze the historical legal acts enacted between 1920 and 1930 which regulated the procedures to be abided by sworn translators in Poland. The main focus of this paper is on the development of relevant regulations and their impact on both the present Ordinance on remuneration of sworn translators and the Polish Sworn Translation Act.

WPLYW USTAWODAWSTWA PIERWSZEJ POŁOWY XX WIEKU NA WSPÓŁCZESNE UREGULOWANIE PRAW I OBOWIĄZKÓW TŁUMACZA PRZYSIĘGŁEGO W POLSCIE

Początki historii regulacji prawnych, dotyczących zawodu tłumacza przysięgłego w ustawodawstwie Rzeczypospolitej Polski sięgają pierwszej połowy XX wieku. Już początkowe akty prawne uregulowały prawa i obowiązki tłumaczy, które powielane były, z uwzględnieniem odpowiednich zmian językowych i ówczesnych realiów prawnych, przez kolejne dziesięciolecia aż do czasów współczesnych. Opracowanie stanowi analizę aktów prawnych, regulujących zasady dokonywania czynności przez tłumaczy przysięgłych w Polsce, które weszły w życie w latach 1920-1930, począwszy od Ustawy z dnia 16 lipca 1920 roku zmieniającej ustawę o postępowaniu karnym dla byłego zaboru austriackiego, poprzez kolejno obowiązujące rozporządzenia o tłumaczach przysięgłych oraz rozporządzenia w sprawie ich wynagrodzenia. Główną uwagę poświęcono kształtowaniu się regulacji prawnych w kontekście ich pośredniego wpływu na obecne Rozporządzenie w sprawie wynagrodzenia za czynności tłumacza przysięgłego i Ustawę o zawodzie tłumacza przysięgłego.

Ustawa o zawodzie tłumacza przysięgłego z 25 listopada 2004 r. (Закон о профессии присяжного переводчика от 25 ноября 2004 г.)¹, wступивший в силу 25 января 2005 г., принятый в связи с вступлением Польши в Европейский Союз, установил новый, более уверенный статус присяжных переводчиков в Польше. До этого момента польское законодательство трактовало присяжного переводчика как помощника государственных органов, на таких же условиях, как и у судебных экспертов. Таким же образом законодательство регулировало статус присяжных переводчиков в начале XX века, когда начали формироваться их права и обязанности относительно государства и общества.

Целью работы является представление истории развития правовых регулирований в первой половине XX века, а также их влияние на статус присяжного переводчика в Польше. Многие из тех положений стали первоисточником для современного правового регулирования, а некоторые из них, с учётом языковых изменений, действительны по сегодняшний день. Данная работа была создана для русскоязычных научных работников, интересующихся новым, европейским статусом присяжного переводчика. Данная тема является особенно актуальной, ведь, несмотря на многочисленные попытки введения изменений, законодательство тех государств по сегодняшний день не предусматривает институции присяжного переводчика, а его функции выполняют выпускники университетов филологических факультетов. В связи с вышесказанным, ещё более интересным является изучение этой профессии в историческом контексте. Сложности, с которыми связан доступ к оригинальным польским правовым актам первой половины XX века для иностранных научных работников, а также отсутствие доступных переводов на иностранные языки этих актов стали причиной того, что данная тема не нашла достаточного отображения в научной литературе этих государств.

¹ Ustawa o zawodzie tłumacza przysięgłego z 25 listopada 2004 r. (Dz. U. Nr 273, 2702).

Объектом исследования являются оригинальные правовые акты, регулирующие профессию присяжного переводчика с 1924 г., которые были переведены самими авторами для данной публикации. Использование определённого диапазона методов исследования, безусловно, увеличило шансы на развёрнутое, а вместе с этим содержательное освещение темы под названием: „Влияние законодательства первой половины XX века на современное регулирование прав и обязанностей присяжного переводчика в Польше”. Формально-правовой метод, целью которого является изучение права в таких сферах как интерпретация юридических положений, формулирование содержания и определение области их действия. Также, был применён исторический метод, целью которого является исследование изменений в регулировании, касающихся профессии присяжного переводчика в Польше в историческом представлении от момента их появления в законодательстве Польши и их влияние на действующие правовые регуляции. Выбор данного метода продиктован тем фактом, что одним из наиболее эффективных методов понимания правовых систем является познание их ранних форм.

История современного понятия „присяжный переводчик” на польских землях берет начало около 100 лет назад, когда польский язык был одним из официальных языков Австро-Венгерской Монархии (Cieślak et al. 2010, 3). На территории польских земель, находящихся под австрийской властью, официальные переводчики продолжали функционировать на основе принципов, предусмотренных в этой стране. В дальнейшем данные принципы были переняты вместе с опытом и традициями той аннексии законодательством Польши (Cieślak et al. 2007, 128). Первое упоминание о переводчике, как участнике судебного процесса, на польских землях, можно найти в Ustawie z dnia 23 maja 1873 roku o postępowaniu karnym (Законе от 23 мая 1873 года об уголовном процессе)². Этот закон, впоследствии, новеллизирован Ustawą z dnia 16 lipca 1920 roku zmieniającą ustawę o postępowaniu karnym dla byłego zaboru austriackiego (Законом от 16 июля 1920 года, который изменил закон об уголовном процессе для бывшей австрийской аннексии)³, в § 385 которого указано, что „przepisy o wynagrodzeniu biegłych należy stosować odpowiednio do oznaczania i wypłaty należności tłumaczy. Jeżeli do tłumaczeń lub przesłuchań sądowych powołuje się urzędników, ustanowionych przy sądzie lub tłumaczy przysięgłych, ustanowionych za wynagrodzeniem stałym, to spełniają oni czynności te bezpłatnie i mogą żądać tylko zwrotu wydatków, poniesionych w gotówce” („положения об оплате работы экспертов применяются соответственно и к расчёту и выплате причитающейся суммы переводчику. Если к переводам или судебным слушаниям привлекаются служащие, работающие в суде или присяжные переводчики, с оплатой на постоянной основе, то они выполняют свою деятельность бесплатно и могут требовать только возмещения понесённых затрат в наличной форме”), а в § 386 соответственно: „do oznaczania kosztów podróży

² Ustawa z dnia 23 maja 1873 roku o postępowaniu karnym (aust. Dz. p. p. Nr 119).

³ Ustawa z dnia 16 lipca 1920 roku zmieniająca ustawę o postępowaniu karnym dla byłego zaboru austriackiego (Dz. U. Nr 67 poz. 453).

i pobytu biegłych i tłumaczy, pozostających w służbie publicznej, stosuje się ogólne przepisy istniejące dla osób, będących w służbie publicznej” („к расчёту затрат на проезд и проживание экспертов и переводчиков, находящихся на государственной службе, относятся все положения, существующие для лиц, находящихся на государственной службе”). Из приведённых фрагментов положений видно, что в те времена в праве уже существовало понятие присяжного переводчика, а также деление присяжных переводчиков на тех, которые работали на постоянной основе для государства и тех, которые привлекались только для определённой деятельности. Их статус был уже приближен к статусу судебных экспертов. С 1920 года к судебным переводчикам применяются дополнительные положения § 383 и § 384 Ustawy z dnia 23 maja 1873 roku o postępowaniu karnem (Закона от 23 мая 1873 года об уголовном процессе)⁴. Они урегулировали вопрос оплаты работы экспертов, предусмотрев присяжным переводчикам, работающим в этом качестве при суде, с оплатой на постоянной основе, возмещение только понесённых и корректно указанных затрат. В свою очередь, переводчики, привлечённые только к определённой деятельности, имели право на дополнительное возмещение за потраченное время и оплату за выполненную работу. Оплата выплачивалась по требованию судебного переводчика, которое он должен был предъявить в течение 8 дней после осуществления работы. Об этом суд должен был проинформировать судебного переводчика в своём запросе. Расчёт суммы оплаты, и далее решение о её выплате, принадлежит суду первой инстанции. Оплата должна была быть совершена сразу же после осуществления вышеуказанных действий или бесплатно отправлена присяжному переводчику. Существенным является факт, что судебный переводчик уже в те времена, в соответствии с законом, имел право на подачу жалобы в случае разногласий при расчёте причитающейся ему суммы (в течение 8 дней в суде первой инстанции).

В том же году вышел правовой акт – Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości w porozumieniu z Ministrem Skarbu Państwa dnia 7 sierpnia 1920 roku w sprawie wynagrodzenia świadków, biegłych i tłumaczy w postępowaniu karnym (Приказ Министра юстиции, согласованный с Министром финансов, от 7 августа 1920 года по вопросу оплаты работы свидетелей, экспертов и переводчиков в уголовном процессе)⁵, представляющий собой подзаконный нормативно-правовой акт к вышеназванному закону. Он предусматривал, что в случае, когда переводчик явился по запросу суда на слушание и его услугами не воспользовались, он может требовать возврата затрат и возмещение в связи с потерей времени. При этом потерей времени, на основании ст.11, считалось то время, которое переводчик должен был провести вне места проживания или работы с целью выполнения своих обязанностей. Оплата за рабочее время рассчитывалась отдельно, и не имела отношения к компенсации за потерянное время. Вышеуказанный закон положил начало правилу возмещения затрат на проезд,

⁴ Ustawa z dnia 23 maja 1873 roku o postępowaniu karnem (austr. Dz. p. p. Nr 119 ze zmianami).

⁵ Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości w porozumieniu z Ministrem Skarbu Państwa dnia 7 sierpnia 1920 roku w sprawie wynagrodzenia świadków, biegłych i tłumaczy w postępowaniu karnym (Dz. U. Nr 75, poz. 515).

а также потерянного заработка переводчику в связи с осуществлением деятельности присяжного переводчика. То есть, в настоящее время, в гражданских делах, ссылаясь на *Ustawę z dnia 28 lipca 2005 r. o kosztach sądowych w sprawach cywilnych* (Закон от 28 июля 2005 года о судебных издержках в гражданских делах)⁶, суд признает присяжному переводчику возврат затрат на проезд и возмещение других необходимых расходов, связанных с участием в суде, а также оплату за выполненную работу. Переводчик, привлечённый к работе в суде, имеет право на возмещение затрат на проезд, даже если суд не воспользовался его услугами. В уголовных делах издержки процесса включают в себя судебные расходы, а также обоснованные затраты сторон. К судебным издержкам относятся оплаты, вид и размер которых, а также принцип и способ расчёта, регулирует *Ustawa z dnia 23 czerwca 1973 r. o opłatach w sprawach karnych* (Закон от 23 июня 1973 года об оплатах в уголовных делах)⁷, а также издержки, понесённые Государственной казной, которые подробно описаны ст. 618 Уголовно-процессуального кодекса Польши⁸. Среди последних находятся также издержки, относящиеся к деятельности переводчиков.

Согласно ст. 1 указанного акта, единственной санкцией по отношению к переводчику, который необоснованно отказался от выполнения своих обязанностей, была невыплата вознаграждения. Чётко указано также, что переводчик, который был задействован без судебного запроса, имеет такое же право на оплату работы, как и в случае наличия запроса привлечения его к слушанию, если он осуществлял функции переводчика, и суд признал, что он действовал для рассмотрения дела. В III разделе указанного приказа предусмотрена, соответственно, оплата за работу переводчика. В дополнение к вышеупомянутым главам, переводчик имеет право на возмещение других расходов, которые были понесены при выполнении его обязанностей (и были должным образом указаны), а также, ему положена оплата за выполненную работу⁹. На основании ст. 19 указанного приказа, суд рассчитывал оплату с учётом

⁶ *Ustawa z dnia 28 lipca 2005 r. o kosztach sądowych w sprawach cywilnych* (Dz. U. Nr 167, poz. 1398, ze zmianami).

⁷ *Ustawa z dnia 23 czerwca 1973 r. o opłatach w sprawach karnych* (Dz. U. z 1983 r. Nr 49, poz. 223).

⁸ *Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. - Kodeks postępowania karnego* (Dz.U. 1997 nr 89 poz. 555).

⁹ В размере, не превышающем восемьдесят марок - именно столько составляла в те времена оплата за деятельность экспертов, в том числе врачей, работающих для государства. Сегодня трудно определить эквивалент марки того периода. Однако, на основании Приказа Министра юстиции, согласованного с Министром финансов от 22 октября 1924 года, заменивший Приказ от 7 августа 1920 года об оплате деятельности свидетелей, экспертов и переводчиков в уголовном процессе можно определить, что 8 марок были эквивалентом одного золотого, а соответственно 80 марок – 10 злотых. Приказ Министра юстиции, согласованный с Министром финансов от 22 октября 1924 года, о тарифе оплаты свидетелей в уголовных делах, действующий на территории действия австрийского закона об уголовном процессе с 1873 года предусматривал ставки компенсаций в связи с потерей заработка за один день работы. Как следует с данного приказа, в те времена оплата деятельности рабочего из самого низкого общественного слоя (к которому относились, между прочим,

времени и сил, необходимых для выполнения работы; брал во внимание также положение, образование и потерю в зароботке, возникшую вследствие потери времени, степень сложности перевода и продолжительность его работы. Данное положение стало первоисточником современной ст. 16 абз. 1 и 2 Закона о профессии присяжного переводчика, предусматривающее, что размер оплаты определяется с учётом сложности и сферы деятельности присяжного переводчика.

В случае запроса нескольких переводчиков, каждый из них, на основании этого положения, имел право на полное возмещение затрат, связанных с потерей времени, и оплату работы, а также на возврат понесённых затрат на проезд, проживание и возмещение других расходов. При этом суды были обязаны ограничивать количество запрашиваемых переводчиков, а также сферу их деятельности до необходимых случаев.

Стоит обратить внимание на другую регуляцию Приказа от 1920 года – а именно: суд учитывал размер оплаты, получаемой переводчиком за подобную работу вне судебного процесса. Информация, заключённая в ст.12, указывала на обязанность суда учитывать рыночные цены на данный перевод. В случае, если переводчик сам должен был писать протокол, ему была положена отдельная оплата в размере 1 марки за каждую страницу, содержащую 32 строки (§ 328 судебной инструкции). Как следует из вышесказанного, уже в те времена законодательство сформулировало так называемую „расчётную страницу” на основании количества строк. Данная регуляция заключена в действующем *Rozporządzeniu Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie wynagrodzenia za czynności tłumacza przysięgłego* (Приказе Министра юстиции от 24 января 2005 года по вопросу оплаты деятельности присяжного переводчика)¹⁰ в § 8 абз.1: „Przy obliczaniu wynagrodzenia za stronę uważa się 25 wierszy (...). Stronę rozpoczętą liczy się jako całą”. („При расчёте оплаты за страницу принимаются 25 строк (...). Начатая страница считается как целая”).

Очередным правовым актом, касающимся присяжных переводчиков, был правовой акт – *Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości w porozumieniu z Ministrem Skarbu Państwa z dnia 22 października 1924 r. zmieniające rozporządzenie z dnia 7 sierpnia 1920 r. o wynagrodzeniu świadków, biegłych i tłumaczy w postępowaniu karnym* (Dz. U. R. P. Nr 75, poz. 515) (Приказ Министра юстиции, согласованный с Министром финансов, от 22 октября 1924 года, изменивший приказ от 7 августа 1920 года о выплатах свидетелям, экспертам и переводчикам в уголовном

рабочие без подготовительного, технического или специализированного образования, или лесные и полевые сторожа, не являющиеся государственными служащими) составляла в границах от 50 грошей до 1,50 злотых. Как указано выше, оплата за деятельность переводчика составляла в те времена максимально десять злотых. В сравнении, показано уважение и котирование официального переводчика в государстве.

¹⁰ *Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie wynagrodzenia za czynności tłumacza przysięgłego* (Dz. U. Nr 15, poz. 131).

процессе)¹¹. Он предусматривал только перерасчёт сумм, полагающихся переводчикам, с марок на злотые.

Вскоре вышел другой правовой акт – Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 grudnia 1928 roku o tłumaczach przysięgłych (Приказ Министра юстиции от 24 декабря 1928 года о присяжных переводчиках)¹², оказавший существенное влияние на формирование прав и обязанностей присяжного переводчика в современной Польше, который чётко, по тем временам, регулировал их права и обязанности. Первый раз в истории правовых регулирований, касающихся присяжных переводчиков, установлено, кто мог стать присяжным переводчиком. В соответствии с § 1 того же Приказа присяжным переводчиком в те времена могло стать лицо, которое имело польское гражданство, пользовалось полнотой гражданских и публичных прав, имело безукоризненный характер и обладало знанием, необходимого для работы присяжного переводчика, иностранного языка. Эти требования были отражены в последующих правовых актах, касающихся присяжных переводчиков, и с определёнными изменениями, сохранились до настоящего времени. Согласно ст. 2 абз. 1 Закона о профессии присяжного переводчика им может быть физическое лицо, которое: „posiada obywatelstwo polskie (...), zna język polski, ma pełna zdolność do czynności prawnych, nie była karana za przestępstwo umyślne, przestępstwo skarbowe lub za umyślne przestępstwo przeciwko bezpieczeństwu obrotu gospodarczego, ukończyła magisterskie studia wyższe (...), złożyła z wynikiem pozytywnym egzamin (...)” („имеет польское гражданство (...), знает польский язык, дееспособно, не было осуждено за умышленное преступление, финансовое преступление или за умышленное преступление против безопасности экономического оборота, обладает титулом магистра (...), сдало экзамен с положительной оценкой”).

Согласно § 2 указанного приказа, как в те времена, так и сейчас, лицо, уполномоченное устанавливать и определять местонахождение присяжного переводчика, является Министром юстиции. В те времена присяжные переводчики подлежали надзору со стороны председателя районного суда, в округе которого имели своё местонахождение. Такое регулирование сохранялось в Польше до 2005 года. Данное положение актуально до сегодняшнего дня: обязательное информирование Министерства юстиции о каждом изменении адреса своего местонахождения, предусмотренное § 6 данного приказа: „O każdej zmianie adresu swego biura w obrębie wyznaczonej mu siedziby tłumacz przysięgły winien zawiadomić Ministerstwo Sprawiedliwości (...)” („О каждом изменении адреса своего бюро в границах ему определённых, присяжный переводчик должен уведомить Министерство юстиции”). Также, в ст.8 абз.2 действующего ныне закона предусмотрено, что присяжный переводчик обязан уведомлять об изменении своих

¹¹ Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości w porozumieniu z Ministrem Skarbu Państwa z dnia 22 października 1924 r. zmieniające rozporządzenie z dnia 7 sierpnia 1920 r. o wynagrodzeniu świadków, biegłych i tłumaczy w postępowaniu karnym (Dz. U. R. P. Nr 75, poz. 515) (Dz.U. 1924 nr 106 poz. 962).

¹² Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 grudnia 1928 roku o tłumaczach przysięgłych (Dz. U. Nr 104, poz. 943).

данных (...) Министра юстиции. К тому же, на основе указанного акта, присяжные переводчики на документах, которые они выдавали, использовали в те времена официальную печать¹³. Также, сейчас, на основании ст. 18 абз.1 присяжные переводчики для заверения переводов и копий писем используют печати. Изменился только текст надписи на кайме печати – в те времена печать присяжного переводчика в Польше содержала государственный герб, а также надпись „Присяжный переводчик (имя и фамилия) в (местонахождение)”. Функция выдачи печати сохранилась до настоящего времени за Государственным монетным двором за счёт средств присяжного переводчика, что было урегулировано законодательством в 20-х годах словами: „nowe pieczęcie można zamawiać tylko w mennicy państwowej przez Ministerstwo Sprawiedliwości (...). Koszta wykonania pieczęci ponoszą tłumacze” („новые печати можно заказывать только в Государственном монетном дворе через Министерство юстиции (...). Затраты на изготовление несут переводчики”), а в современном законодательстве в ст. 18 абз.1 закона указано: „Pieczęć zamawia, na koszt tłumacza przysięgłego, Minister Sprawiedliwości w Mennicy Państwowej” („Печать заказывает, за счёт средств присяжного переводчика, Министр юстиции в Государственной казне”). Обязанность внесения образца подписи, которая появилась в указанном приказе в первый раз в польском законодательстве, сохранилась до настоящего времени и содержится в ст.19 закона: „Tłumacz przysięgły (...) składa wzór podpisu (...) Ministrowi Sprawiedliwości (...)” („Присяжный переводчик (...) вносит образец подписи (...) Министру юстиции”). Целью данной регуляции является предотвращение фальсификации подписей переводчиков другими лицами. Названный приказ ввёл другой важный элемент работы переводчика, который почти в идентичности сохранился до настоящего времени: на присяжного переводчика возложена обязанность ведения реестра и регистрации в нем совершенных действий. Образец этого реестра, приложенный к приказу, практически соответствовал современной форме. Предусмотрена также форма документов, составленных переводчиком. Именно в § 11 введено требование о том, что на всех документах, которые выдаются присяжным переводчиком, должна быть видна его печать и номер, под которым зарегистрирован данный документ, а также сумма оплаты за выполненную работу. Документ должен также заключать информацию: был ли он составлен на основании оригинала или же с перевода, копии. Данный параграф стал первоисточником современной ст.18 Закона о профессии присяжного переводчика, указывающий во 2 абзаце, что „(...) na sporządzonych tłumaczeniach i odpisach pism należy stwierdzić, czy sporządzono je z oryginału, czy też z tłumaczenia lub odpisu, oraz czy tłumaczenie lub odpis jest poświadczony i przez kogo” („на подготовленных переводах и копиях документов следует обозначить, составлен ли он с оригинала, или тоже с перевода или копии, а также удостоверен ли перевод или копия и кем”). В указанном приказе предусмотрена также процедура освобождения от функций переводчика на основании заявления Наблюдательного совета или на основании заявления переводчика. Данные действия влекут за собой возврат печати и реестра

¹³ Согласно указанному Приказу тушевая печать имела диаметр 33 мм, а лаковая – 30 мм.

присяжного переводчика (аналогично, как и в случае смерти). Информация о назначении и увольнении присяжного переводчика, об изменении его местонахождения или его смерти публиковались в Официальном вестнике Министерства юстиции в отдельном приложении „Службное движение”¹⁴ – аналог современного Списка присяжных переводчиков, который ведёт Министерство юстиции с 2004 года. Уже тогда присяжных переводчиков отделили от переводчиков, привлекаемых для коммуникации с глухими или немymi, так как в § 16 оговорено, что „rozporządzenie niniejsze nie ma zastosowania do tłumaczy powołanych w celu porozumiewania się z głuchymi i niemymi, składającymi swe oświadczenie na pomocą znaków” („данный приказ не имеет отношения к переводчикам, привлечённых с целью коммуникации с глухими и немymi, осуществляющими своё заявление при помощи знаков”). Сегодня эти вопросы регулирует Закон о профессии присяжного переводчика. Ст. 1 абз.2: „Przepisów ustawy nie stosuje się do tłumaczy języka migowego oraz innych systemów komunikacji niebędących językami naturalnymi”. („Положения закона не относятся к сурдопереводчикам, а также к другим средствам коммуникации, не являющимися естественными языками”). Указанный приказ впервые законодательно урегулировал вопрос принятия присяги, которую присяжные переводчики принимают до сегодняшнего дня. В то время была точно составлена её форма: „Przysięgam Panu Bogu Wszchemogącemu i Wszchewiedzącemu, że powierzone mi obowiązki tłumacza spełniać będę z całą sumiennością. Tak mi, Panie Boże, pomóż” („Клянусь Господу Богу Всемогущему и Всевидящему, что вверенные мне обязанности переводчика буду исполнять добросовестно. И помоги мне, Господь Бог”). В том самом приказе законодатель проявил большую толерантность и уважение к вере переводчика, так как предусмотрел, что лица, которые исповедуют христианскую религию, присягают перед крестом, лица, которые исповедуют иудаизм – держат руку на Торе (II книга Моисея XX глава VII строка). Если же переводчик был другого вероисповедания – присяга имела другую форму, согласно отдельному приказу Министра юстиции, который был выдан в следующем году.

Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 25 czerwca 1929 r. w sprawie formy zapewnienia w postępowaniu karnym świadków, biegłych, tłumaczy i przysięgłych zgodnego z prawem spełnienia ich obowiązku (Приказ Президента Польши от 25 июня 1929 года регулировал вопрос формы заверения в уголовном процессе выполнения обязанностей свидетелями, экспертами, переводчиками и присяжными, согласно законодательству)¹⁵, предусматривая формы заверения в объективном и добросовестном выполнении обязанностей, осуществляемых переводчиками разных религий. Переводчики мусульманского вероисповедания, согласно § 2 этого приказа, приносили следующую присягу: „Przysięgam Panu Bogu

¹⁴ ориг. „Ruch Służbowy”.

¹⁵ Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 25 czerwca 1929 r. w sprawie formy zapewnienia w postępowaniu karnym świadków, biegłych, tłumaczy i przysięgłych zgodnego z prawem spełnienia ich obowiązku (Dz. U. Nr 47 poz. 383).

Wszchemogącemu i Wszchwiedzącemu przed Świętym Jego Koranem, że powierzone mi obowiązki tłumacza wykonam z całą sumiennością i bezstronnością. Tak mi Panie Boże dopomóż. Wałłahi, Billahi, Tałłahi” („Клянусь Господу Богу Всемогущему и Всевидающему перед Святым его Кораном, что вверенные мне обязанности переводчика буду исполнять с полной объективностью и добросовестностью. И помощи мне, Господь Бог. Валлахи, Биляхи, Таллахи”). Во время приношения этой присяги переводчик, который имел исламское вероисповедание, должен был иметь накрытую голову. Использование Корана для значимости присяги не было обязательным, однако, если он находился в суде, его следовало положить на стол, открыть на любой странице перед присягой. Принимающий присягу мог положить руку на Коран или поднять вверх указательный палец правой руки, а после произнесения присяги поцеловать Коран. Выполнение этих действий повышало „святость присяги”. Переводчики Караимского вероисповедания принимали присягу, держа обе руки опущенными вниз и не накрывая голову. Присяга была предусмотрена ст. 133 § 1 Rozporządzenia Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 19 marca 1928 r. Kodeks postępowania karnego (Приказа Президента Польши от 19 марта 1928 года Кодекс уголовного процесса): „Przysięgam Panu Bogu Wszchemogącemu i Wszchwiedzącemu, że powierzone mi obowiązki tłumacza wykonam z całą sumiennością i bezstronnością. Tak mi, Pani Boże, dopomóż” („Клянусь Господу Богу Всемогущему и Всевидающему, что вверенные мне обязанности переводчика буду исполнять с полной объективностью и добросовестностью. И помощи мне, Господь Бог”). Для важности той присяги не было обязательным добавление в конце литургических слов „Ant etem adyndan Tenreniń Amen”, и целования после принятия присяги Священного писания „Тора”, однако, рекомендовано выполнение этих действий для повышения „святости присяги”. В § 4 предусмотрено, что переводчики, относящиеся к вероисповедающим меннонитство, баптизм, евангельское христианство, адвентизм Седьмого дня, которым религия не позволяет приношение присяги, осуществляли заверение в торжественной форме со следующим содержанием: „Zgodnie z nauką Chrystusa Pana, która nakazuje, aby mowa wasza była: tak – tak, nie – nie, pytam się Pana (Panią), czy powierzone ci obowiązki tłumacza wykonasz z całą sumiennością i bezstronnością? – odpowiedz szczerym „tak”!” („Согласно учению Господа Иисуса, которое велит, чтобы речь ваша была: да-да, нет-нет, спрашиваю Господина (Госпожу), будете ли Вы выполнять вверенные вам обязанности с полной объективностью и добросовестностью? – искренний ответ „да”! ”) После завершения произнесения судьёй фразы, переводчик отвечал одним словом: „Да”. Лица, которые законно не относились ни к какому известному вероисповеданию, в те времена, и другие не указанные выше верующие лица, которым вера не позволяла приношение присяги, выполняли заверение словами: „Przyrzekam uroczyście, że powierzone mi obowiązki tłumacza wykonam z całą sumiennością i bezstronnością” („Торжественно клянусь, что вверенные мне обязанности переводчика буду выполнять с полной объективностью и добросовестностью”). Эта присяга, в расширенной форме, сохранилась в современном законодательстве. Согласно ст.7 абз.1 закона современная версия заверения звучит так: „Mając świadomość znaczenia moich słów i odpowiedzialności przed prawem, przyrzekam

uroczyście, że powierzone mi zadania tłumacza przysięgłego będę wykonywać sumiennie i bezstronnie, dochowując tajemnicy państwowej i innej tajemnicy prawnie chronionej oraz kierując się w swoim postępowaniu uczciwością i etyką zawodową” („Осознавая значение своих слов и ответственность перед законом, торжественно клянусь, что вверенные мне обязанности присяжного переводчика буду выполнять с полной объективностью и добросовестностью, сохраняя государственные и другие охраняемые законом тайны, а также руководствоваться в своём поведении честностью и профессиональной этикой”). Лица, которые законно не относятся ни к одному известному вероисповеданию (духовная принадлежность к христианской секте, нехристианской) могли заявить, в соответствии с их религиозными убеждениями, какое, предусмотренное законом, заверение хотят выразить и с какой целью. Далее, осуществить его согласно выбранной процедуре, при чем данный переводчик был предупреждён об уголовной ответственности за предоставление ложных изъяснений (ст.107, 141 Уголовно-процессуального кодекса Польши).

Одновременно с вышеуказанным, принят другой правовой акт - Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości w porozumieniu z Ministrem Skarbu z dnia 25 czerwca 1929 r. o należnościach świadków, biegłych, tłumaczy w sprawach karnych (Приказ Министра юстиции, согласованный с Министром финансов от 25 июня 1929 года о причитающихся суммах свидетелям, экспертам, переводчикам в уголовных делах)¹⁶. Он уточнял вопрос возмещения затрат на проезд переводчика, а также транспортные средства, которыми он мог воспользоваться. Переводчику возмещались затраты на проезд общественным транспортным средством (поезд, трамвай, омнибус и другие), кроме случаев отсутствия данного транспорта или по причине возраста, болезни или физического увечья, что делает невозможным переводчику использование такого транспорта; тогда мог быть использован гужевой транспорт. При этом затраты на проезд гужевого или механического транспорта были рассчитаны относительно местных цен. Затраты на питание предусмотрены в размере 2-10 злотых за каждый день, а затраты на ночлег – 3-20 злотых. Если же по причине пребывания в суде переводчик лишился заработка, ему было положено 1-3 злотых за каждые начатые полчаса (за исключение часов выполнения деятельности), при этом регулирование предусматривало максимально восьмичасовой рабочий день. Если же в случае, когда не воспользовались услугами переводчика, а он был вызван, ему была положена оплата в размере 1-3 злотых за каждые начатые полчаса. Оплата за работу присяжного переводчика, как и на основании предшествующего приказа, определялась с учётом его квалификации, времени и труда, необходимого для выполнения работы, а также рыночной цены такой деятельности и составляла, по усмотрению суда, 5-60 злотых за работу. Предусмотрена также возможность договорной общей ставки за переводы, при этом снижение цены за перевод страницы присяжным переводчиком не могло превышать 10 %. Присяжный

¹⁶ Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości w porozumieniu z Ministrem Skarbu z dnia 25 czerwca 1929 r. o należnościach świadków, biegłych, tłumaczy w sprawach karnych (Dz. U. Nr 47 poz. 389).

переводчик был обязан, под угрозой лишения оплаты, требовать выплаты причитающейся ему суммы сразу же после выполнения своей деятельности, а если был вызван на заседание суда – на следующий день, как самый поздний срок. Если суд не мог выплатить причитающуюся сумму сразу после предъявления требования, данная сумма должна была быть незамедлительно и бесплатно отправлена почтой переводчику. В конце 1929 года вышел ещё один акт, регулирующий права и обязанности присяжных переводчиков: *Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu z dnia 10 listopada 1929 r. o należnościach świadków, biegłych i tłumaczy w sprawach karnych* (Приказ Министра юстиции, выданный в согласовании с Министром финансов от 10 ноября 1929 года о причитающихся суммах свидетелям, экспертам и переводчикам в уголовных делах)¹⁷. Тот приказ повторил положения предшествующего акта, с учётом того, что снижал ставки за питание и ночлег, с сохранением таких же ставок оплаты за работу.

Спустя несколько месяцев вышел очередной акт: *Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 31 stycznia 1930 r. o tłumaczach przysięgłych* (Приказ Министра юстиции от 31 января 1930 года о присяжных переводчиках)¹⁸, который предусматривал исключительно одно регулирование – позволял присяжным переводчикам использование также круглой печати, сделанной лично, не в Государственном монетном дворе. Эта печать по содержанию соответствовала официальной печати. Данное положение не сохранилось до сегодняшнего дня, потому что, согласно ныне действующему законодательству, присяжный переводчик не может использовать другую печать, кроме той, которая была выдана Государственным монетным двором.

Несколько месяцев позже был утверждён очередной акт, регулирующий права и обязанности присяжных переводчиков – *Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 16 maja 1930 roku wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu o należnościach świadków, biegłych i tłumaczy w sprawach karnych* (Приказ Министра юстиции от 16 мая 1930 года, выданный в согласовании с Министром финансов о причитающихся суммах свидетелям, экспертам и переводчикам в уголовных делах)¹⁹. Он предоставлял право возмещения затрат на собственный проезд, совершенный поездом, гужевым транспортом или пешком. Вновь была снижена сумма возмещения затрат на питание и ночлег. Границы, в которых была установлена оплата деятельности присяжных переводчиков не подлежали изменению. Возмещение за потерянное время начало рассчитываться от каждого начатого часа, а не как прежде, за каждые полчаса. Отсюда современное

¹⁷ *Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu z dnia 10 listopada 1929 r. o należnościach świadków, biegłych i tłumaczy w sprawach karnych* (Dz. U. Nr 77 poz. 580).

¹⁸ *Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 31 stycznia 1930 r. o tłumaczach przysięgłych* (Dz. U. Nr 5 poz. 46).

¹⁹ *Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 16 maja 1930 roku wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu o należnościach świadków, biegłych i tłumaczy w sprawach karnych* (Dz. U. Nr 39 poz. 349).

регулирование положения § 6 ст.2, которое определяет час как единицу расчёта, являющуюся основанием для расчёта оплаты за работу.

Только в 1920-1930 годах Польша издала 10 правовых актов, регулирующих права и обязанности присяжных переводчиков. Количество выданных актов в таком коротком промежутке времени свидетельствовало о принятии активного участия государства в регулировании статуса присяжного переводчика, а также забота о его интересах. Многие из этих положений, сохранившиеся до сегодняшнего дня, имели законную силу на протяжении многих лет. В 1998-2004 годах Министерство юстиции совместно с Советом польских переводчиков консультировали последующие проекты законов о присяжных переводчиках, и как результат, 24 ноября принят Закон о профессии присяжного переводчика, который был издан 27 января 2005 года. Среди 35 статей Закона о профессии присяжного переводчика, 13 из них содержат в себе частично или полностью, как первоисточник, правовые акты, выданные в первой половине XX века. Остальные касаются главным образом экзамена на присяжного переводчика, профессиональной ответственности присяжных переводчиков, а также изменения в действующих переходных и заключительных положениях.

Вместе с законом принят также ряд подзаконных нормативно-правовых актов: Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie Państwowej Komisji Egzaminacyjnej do przeprowadzania egzaminu na tłumacza przysięgłego (Приказ Министра юстиции от 24 января 2005 года по вопросу проведения экзамена на присяжного переводчика Государственной экзаменационной комиссией)²⁰, Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie wysokości opłaty egzaminacyjnej ponoszonej przez kandydata na tłumacza przysięgłego (Приказ Министра юстиции от 24 января 2005 года по вопросу размера оплаты, вносимой кандидатом на присяжного переводчика)²¹, Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie szczegółowego sposobu przeprowadzania egzaminu na tłumacza przysięgłego (Приказ Министра юстиции от 24 января 2005 года по вопросу подробного способа проведения экзамена на присяжного переводчика)²², Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie wzoru świadectwa potwierdzającego uprawnienia do wykonywania zawodu tłumacza przysięgłego oraz sposobu prowadzenia listy tłumaczy przysięgłych (Приказ Министра юстиции от 24 января 2005 года по вопросу образца свидетельства, подтверждающего право выполнения профессии присяжного переводчика, а также методики ведения списка

²⁰ Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie Państwowej Komisji Egzaminacyjnej do przeprowadzania egzaminu na tłumacza przysięgłego (Dz. U. Nr 15, poz. 127).

²¹ Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie wysokości opłaty egzaminacyjnej ponoszonej przez kandydata na tłumacza przysięgłego (Dz. U. Nr 15, poz. 128).

²² Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie szczegółowego sposobu przeprowadzania egzaminu na tłumacza przysięgłego (Dz. U. nr 15, poz. 129).

присяжных переводчиков)²³, Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie wynagrodzenia za czynności tłumacza przysięgłego (Приказ Министерства юстиции от 24 января 2005 года по вопросу оплаты работы присяжного переводчика)²⁴, Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie Komisji Odpowiedzialności Zawodowej (Приказ Министерства юстиции от 24 января 2005 года по вопросу Комиссии профессиональной ответственности)²⁵. Большинство тех актов связаны с введением экзамена на присяжного переводчика, а также с созданием Комиссии профессиональной ответственности. С целью соответствия законодательству Европейского союза, а также под давлением организации „Польское общество экономических, правовых и судебных переводчиков – „TEPIS”²⁶, новый закон ввёл дисциплинарные меры наказания, устанавливаемые вышеуказанной организацией. Также, данным законом повысились требования к профессиональной квалификации кандидатов и ввелась обязанность сдачи экзамена (Cieślak et al. 2007, 131).

Цель написания данной работы была достигнута, а научные методы исследования – подобраны правильно. Подготовленный материал позволил познакомить иностранного читателя с определёнными положениями из истории профессии присяжного переводчика в Польше, а также их развитие в действующем законодательстве. Тщательный анализ действующего польского законодательства, а также первой половины XX века позволил дополнительно ознакомиться со статусом присяжного переводчика в Польше в историческом представлении. Как следует из вышесказанного, на польских землях мастерство перевода правовых и юридических текстов, было известно и оценено государством на протяжении веков. Важность роли переводчиков оказалась, таким образом, основанием для детального правового урегулирования их статуса с целью защиты их прав, а также определения их обязанностей уже в первой половине XX века. С этой задачей законодательство справилось превосходно, потому что составило и претворило в жизнь детальные положения, которые были повторены, с определёнными усовершенствованиями, спустя целый век. Как выше сказано, введённые законы и правила, положили начало традиции правового регулирования профессии присяжного переводчика. В наиболее новых правовых актах, регулирующих права и обязанности переводчика, видно, что они и далее актуальны. Действующий закон, соответствующий требованиям современного и прогрессивного Европейского союза, и дальше продолжает почти 100-летнюю традицию регулирования правовых норм деятельности присяжных переводчиков. Поэтому история права, касающаяся присяжных переводчиков того времени и её влияние на право XXI века составляет особую ценность для исследователей языка, права и самих присяжных переводчиков.

²³ Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie wzoru świadectwa potwierdzającego uprawnienia do wykonywania zawodu tłumacza przysięgłego oraz sposobu prowadzenia listy tłumaczy przysięgłych (Dz. U. Nr 15, poz. 130).

²⁴ Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie wynagrodzenia za czynności tłumacza przysięgłego (Dz. U. Nr 15 poz. 131).

²⁵ Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 roku w sprawie Komisji Odpowiedzialności Zawodowej (Dz. U. Nr 15, poz. 132).

²⁶ Действующее Польское общество присяжных и специализированных переводчиков „TEPIS”.

Библиография

- Cieślak, Bolesław, Liwiusz Laska i Michał Rojewski. 2010. *Egzamin na tłumacza przysięgłego. Komentarz, teksty egzaminacyjne, dokumenty*. Warszawa: C.H. Beck.
- Dostatni, Grzegorz. 2005. *Komentarz do Ustawy o zawodzie tłumacza przysięgłego*. Warszawa: Wydawnictwo TEPIS.

Правовые акты

- Postanowienie Sądu Najwyższego z dnia 27 stycznia 2006 r. III CK 369/05 (Orzecznictwo Sądu Najwyższego Izba Cywilna 2006/11/187), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości w porozumieniu z Ministrem Skarbu Państwa z dnia 22 października 1924 r. zmieniającego rozporządzenie z dnia 7 sierpnia 1920 r. o wynagrodzeniu świadków, biegłych i tłumaczy w postępowaniu karnym (Dz. U. R. P. Nr 75, poz. 515) (Dz.U. 1924 nr 106 poz. 962), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości w porozumieniu z Ministrem Skarbu z dnia 25 czerwca 1929 r. o należnościach świadków, biegłych, tłumaczy w sprawach karnych (Dz. U. Nr 47 poz. 389), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 12 kwietnia 1991 r. w sprawie prowadzenia ksiąg notarialnych oraz przekazywania na przechowanie dokumentów sądom rejonowym (Dz. U. z dnia 20 kwietnia 1991 r.), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 16 maja 1930 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu o należnościach świadków, biegłych i tłumaczy w sprawach karnych (Dz. U. Nr 39 poz. 349), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 19 sierpnia 1968 r. w sprawie tłumaczy przysięgłych (Dz. U. Nr 35, poz. 244), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 2 sierpnia 1982 r. w sprawie wynagrodzenia tłumaczy przysięgłych (Dz.U. 1982 nr 24 poz. 174), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 grudnia 1928 r. o tłumaczach przysięgłych (Dz. U. Nr 104, poz. 943), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 r. w sprawie wynagrodzenia za czynności tłumacza przysięgłego (Dz. U. Nr 15, poz. 131), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 r. w sprawie Państwowej Komisji Egzaminacyjnej do przeprowadzania egzaminu na tłumacza przysięgłego (Dz. U. Nr 15, poz. 127), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 r. w sprawie wysokości opłaty egzaminacyjnej ponoszonej przez kandydata na tłumacza przysięgłego (Dz. U. Nr 15, poz. 128), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 r. w sprawie szczegółowego sposobu przeprowadzania egzaminu na tłumacza przysięgłego (Dz. U. nr 15, poz. 129), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 r. w sprawie wzoru świadectwa potwierdzającego uprawnienia do wykonywania zawodu tłumacza

- przysięgłego oraz sposobu prowadzenia listy tłumaczy przysięgłych (Dz. U. Nr 15, poz. 130), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 r. w sprawie wynagrodzenia za czynności tłumacza przysięgłego (Dz. U. Nr 15 poz. 131), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 stycznia 2005 r. w sprawie Komisji Odpowiedzialności Zawodowej (Dz. U. Nr 15, poz. 132), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 25 sierpnia 1986 r. w sprawie wynagrodzenia tłumaczy przysięgłych (Dz.U. 1986 nr 33 poz. 168), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 25 sierpnia 1986 r. w sprawie wynagrodzenia tłumaczy przysięgłych (Dz. U. Nr 33 poz. 168), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 28 czerwca 2004 r. w sprawie maksymalnych stawek taksy notarialnej (Dz. U. z dnia 29 czerwca 2004 r.), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 31 stycznia 1930 r. o tłumaczach przysięgłych (Dz. U. Nr 5 poz. 46), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 7 sierpnia 1920 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu Państwa w przedmiocie wynagrodzenia świadków, znawców i tłumaczy w postępowaniu karnym (Dz. U. Nr 75, poz. 515), ISAP.
- Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 8 czerwca 1987 r. w sprawie biegłych sądowych i tłumaczy przysięgłych (Dz. U. Nr 18, poz. 112), ISAP.
- Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 19 marca 1928 r. Kodeks postępowania karnego (Dz.U. Nr 33 poz. 313), ISAP.
- Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 25 czerwca 1929 r. w sprawie formy zapewnienia w postępowaniu karnym świadków, biegłych, tłumaczy i przysięgłych zgodnego z prawem spełnienia ich obowiązku (Dz. U. Nr 47 poz. 383), ISAP.
- Ustawa o zawodzie tłumacza przysięgłego z 25 listopada 2004 r., (Dz. U. Nr 273 poz. 2702), ISAP.
- Ustawa z dnia 16 lipca 1920 r. zmieniająca ustawę o postępowaniu karnym dla byłego zaboru austriackiego (Dz. U. Nr 67 poz. 453), ISAP.
- Ustawa z dnia 17 listopada 1964 r. – Kodeks postępowania cywilnego (Dz.U. Nr 43, poz. 296), ISAP.
- Ustawa z dnia 23 czerwca 1973 r. o opłatach w sprawach karnych (Dz. U. z 1983 r. Nr 49, poz. 223), ISAP.
- Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. Kodeks postępowania karnego (Dz. U. z dnia 4 sierpnia 1997 r.), ISAP.

Reviews

Davide Simone GIANNONI and Celina FRADE (eds), *Researching Language and the Law. Textual Features and Translation Issues*. Linguistic Insights 121. Studies in Language and Communication. Peter Lang: Bern, 2010, ISBN 978-3-0343-0443-6, 278 pages.

reviewed by **Aleksandra MATULEWSKA**, PhD
INSTITUTE OF LINGUISTICS, ADAM MICKIEWICZ UNIVERSITY
AL. NIEPODLEGŁOŚCI 4, 61-874 POZNAŃ, POLAND
aleksandra.matulewska@gmail.com

The 121st volume of *Linguistic Insights* series contains the latest work of scholars investigating legal texts from linguistic, cross-cultural and cross-lingual perspective (English, Danish, French, Italian, Spanish). The authors focus their attention on the interaction between languages and legal systems. Legal language is considered a language for special purposes (LSP) and as such claimed to be affected by internationalization, globalization and other emerging pressures which have impact on the solidified legal customs, norms, practices and usage. Moreover, the changing economic and political situation in Europe and in other parts of the world has triggered the emergence of supranational laws which require harmonization and implementation into the national legal orders and systems. Such ubiquitous changes require effective and efficient legal communication. Contributions have been submitted by participants of the 4th CERLIS Conference – CERLIS 2009 held in Bergamo on 18-20 June 2009. The contributors touch upon various aspects of legal language and discourse undergoing such changes. The volume is devoted mostly to legal discourse in various settings and is divided into two parts with the former one on textology and the latter one on interpreting and translation. There are six chapters in the first part and seven in the second one.

In the introduction the editors, D. S. Giannoni and C. Frade, turn the attention of readers to the impact of globalization which relies on communicative resources of the language and the law. Due to the rapid economic, political and social changes, the language of legal communication is also developing rapidly with English acting as *lingua franca* in many legal contexts. It is accurately noted that the very first works on the language of the law focused mostly on the stylistic, syntactic and terminological features of this LSP whereas at present more and more publications analyze cross-cultural and cross-lingual aspects of legal communication across various legal systems.

Part I. Textual Features

Estrella Montolío DURÁN (*Discourse, Grammar and Professional Discourse Analysis: The Function of Conditional Structures in Legal Writing*) discusses conditional structures used in Spanish legal texts. In order to demonstrate the formal and non-changing character of legal normative texts, she compares Babylonian legislation (to be exact the Code of Hammurabi in two translation versions into Spanish by Sanmartin and into English by King) with a corpora of modern Spanish statutory instruments passed in 2008. She analyses the following particles introducing conditional structures: (i) the most frequently occurring *si* (if p, then q), (ii) *en caso de (que)* (in case of), (iii) *siempre que* (provided that), (iv) *salvo que* (unless), (v) *a menos que* (unless), and finally (vi) *en el supuesto de que* (in case of). The author points out that in the case of initial position if-clauses, the clause constitutes a framework whereas the following information is interpreted. There are three types of main functions of such clauses that is to say: (i) selecting already known information included in the discourse and turning it into supposition, (ii) contrasting various options and their consequences, (iii) examining possible suppositions and their implied consequences (pp. 32-35). Moreover the second position if-clauses with pause [q, if p] (expressing small likelihood of fulfillment) and restrictive ones without a pause [q if p] are discussed. Finally, complex conditional connectors including affirmative ones (*siempre que, siempre y cuando, a condición de que, con tal de que*) and negative ones (*salvo que, a no ser que, a menos que, excepto que, excepto si*) are elaborated on. The research has been carried out with proper skill and diligence. The results are highly interesting and it must be stressed that the chapter fills the gap between strictly logical and linguistic analysis of legal discourse. The results are of interest to lawyers applying the law, linguists analyzing effective formulation of legal texts and translators searching for equivalent structures for the purpose of Spanish and English translation of statutory instruments. On the drawbacks, there is a spelling error in References, page 44. There is: 'Dancygier, Barbara 1990. (...) In Fisiak, Jaeck (ed.)' instead of: 'Dancygier, Barbara 1990. (...) In Fisiak, Jacek (ed.)'.

Susan KERMAŠ (*English Legal Discourse and the French Continuum*) presents the analysis of the impact of legal French on legal English under the influence of the EU legislation and the law harmonization principle. The research has been based on the results obtained from a key word search of Webcorp. The author investigated not only EU English but also British and American English varieties. Despite the fact that English has a status of lingua franca worldwide, one cannot deny that the French legal language influences the English one, especially in the spheres which require achieving conceptual clarity in European legal discourse. To sum up, the author fails to indicate clearly the criteria for choosing the investigated lexis. There is only one mentioning about rejecting a lexical item due to the overwhelming number of records obtained in the course of the research which made the in-depth analysis futile. Overall, the chapter is well-structured and presents a new direction in research into European legal discourse.

Stanisław GOŹDŹ-ROSKOWSKI (*Responsibility and Welfare: Keywords and Semantic Categories in Legal Academic Journals*) deals with the analysis of genre specific legal corpora with the usage of WordSmith Tools 5.0. After presenting the

analyzed corpora (that is to say legal articles), the functionality of the WordSmithTools and the methods used to extract proper keywords and selecting pertinent items for the analysis, he presents a categorization of keywords appearing in texts. Goźdz-Roszkowski finally distinguishes five distinctive categories typical of legal articles, that is to say (i) citation keywords, (ii) self-mention keywords such as 'we' and 'I', (iii) legal terms as keywords of relatively limited frequency, (iv) keywords used to signal and support legal reasoning including the following ones: 'beliefs', 'estimates', 'model', 'probability', 'problems', 'results', 'responsibility', and 'theory', (v) general language keywords (pp. 77-83). The research is well-founded and in contrast to other research published in Poland so far on the frequency of particular keywords in legal texts (cf. Malinowski 2006) takes into consideration an array of factors which make the results more reliable and genre-specific.

Vanda POLESE and Stefania D'AVANZO (*Linguistic and Legal Vagueness in EU Directives Harmonising Protection for Refugees and Displaced Persons*) investigate vagueness carriers in legal text. Although the authors claim that they are going to analyze 'vagueness carriers which call for negation of meaning and may reveal ideological implication', the scope of research is broader and not limited to negations. The distinction is made between strong and weak vagueness. As far as strong vagueness is concerned the authors discuss its appearance in definitions and sentences granting rights (markers such as: 'well-founded', 'particular', 'fundamental', 'serious', 'significant', 'suitable'). When touching upon weak vagueness the authors deal with (i) time expressions such as prepositional phrases with a time-adverbial function ('as soon as possible', 'as quickly as possible', 'immediately', 'within a reasonable time', 'not exceeding', 'not later than') with the distinction made into incommensurability and immensurability and (ii) legal concept of 'necessary/appropriate measures'. The conclusions are drawn that discursive organisation of EU directives concerning immigration and asylum matters reveals that the EU Member States are exercising a preservative attitude towards refugees, asylum seekers and immigrants. Sections 1-6 seem to be focused on formal legal and ideological issues rather than linguistics ones which makes the article very clearly divided into two parts written by two different authors and combined together into one text.

The next chapter by Ross CHARNOCK (*Traces of Orality in Common Law Judgments*) deals with elements of oral discourse present in common law judgments. The author puts forward a thesis that modern judgments contain a higher degree of occurrences of oral speech features than older ones. He analyses methods of achieving cohesion, abbreviations and subtitles, conversational connectives and interjections, performativeness, elements of dialogue and story-telling. It is recommended to broaden this interesting research by analyzing a wider array of judgments and opinions as numerous examples were taken from Lord Denning's speeches, which may to some extent affect the obtained results due to Denning's idiolectal features.

Judith TURNBULL (*Harmonisation of the Law and Legal Cultures in the EU: A Linguistic Approach*) touches upon explicitly direct and personal expressions indicating attitude of Advocates-General towards the message as well as methods of making the utterances polite. She also turns her attention to impersonal and bureaucratic language (mainly nominalizations, passive voice and impersonal structures). The author

investigated 20 opinions delivered by British and 20 opinions delivered by Italian Advocates-General between 1998 and 2008. The article is well-organized and interesting. However, the readership would benefit more if the Italian examples were accompanied with literal translations into English. Without them, the results are almost exclusively directed at English-Italian translators. Additionally, there is a mistake in table 3 where *forty years of teaching* has been divided into two lines *forty years of* and *teaching* and wrongly marked double in the second column.

Part 2. Issues in Translation and Interpreting

Patrick LEROYER and Kirsten WÖLCH RASMUSSEN (*Accessing Discursive Data Types in Legal Translation Dictionaries: The Case of Sans Préjudice de*) analyze the usefulness of JOFD, IATE and the most comprehensive bilingual dictionary for French and Danish (B&H) in the translator's work. The chapter presents a hypothetical translation in which the French expression *sans préjudice de* appears twice. In a very clear and straightforward manner they present the logical sequence of search for equivalents for the analyzed collocation. The conclusions which are drawn are consistent with what legal translators experience every day because the authors accurately remark that what is needed and expected by translators is the incorporation of "new types of contextual data into legal dictionaries, primarily in the form of translational textual examples" (p. 176). The only technical remark is that the formatting of examples in this chapter diverges from the rest of the book.

Ángel M. FELICES LAGO (*Axiological Analysis of Entries in a Spanish Law Dictionary and their English Equivalents*) focuses her attention on axiological analysis of 598 entries from the law dictionary by Del Arco Torres and Miguel Ángel (2004). The tables, however, require proofreading as English equivalents contain spelling mistakes (e.g. *damage* instead of *Damage* on page 184, *concelament* instead of *concealment* on page 185, etc.). Many equivalents are direct borrowings and would benefit from short explanatory notes on their meaning as well. Overall, the research is based on well-established foundations (e.g. Krzeszowski) and the conclusions drawn are logical and reliable.

Christopher GODDARD (*Legal Linguists: As (In)substantial as Ghosts and True Love?*) discusses the emergence of the new profession, that is to say legal linguists. In general, the chapter is based on the survey carried out on a relatively small sample of respondents. Nevertheless, the results seem representative and indicate that this profession is new and not well-established yet. The chapter would be more succinct and readable if the raw results of the survey were placed in the appendix rather than incorporated into the chapter as the five-page long table.

Iulia Daniela NEGRU (*Acceptability versus Accuracy in Courtroom Interpreting*) investigates court interpreting practices in Italy. She focuses on real rather than ideal court interpreting settings and performance. Having analyzed recorded hearings, the author concludes that despite numerous flaws and deficiencies (including using the third person singular when interpreting the speaker using the first person singular, summarizing and stand-by interpreting, changing register, eliminating or introducing ambiguities) in certain circumstances such interpreting practices may be

necessary and unavoidable and the process of communication may still be effective. The chapter turns the attention to the fact that the theory and practice often diverge and that sometimes in real-life situations the task of the translator or interpreter is to produce the best message rendition in given circumstances.

Francisco VIGIER (*Legal Translation and Interpreting in the UK Today*) describes legal translation and interpreting practices in the UK including the requirements of authorities and professional associations. The chapter confirms existing knowledge. The method applied is correct and the illustrative material is sufficient. Finally, the interpretation of results is also correct and satisfactory.

Rocco C. LOIACONO (*The Translation of Bilateral Agreements between Australia and Italy: Linguistic or Functional?*) discusses principles and strategies adopted when translating bilateral agreements signed by Italy and Australia in the context of differing legal cultures in the light of strategies adopted by the EU and Canada translators. The author takes a stance towards the myth of '23 language versions' and quotes 4 methods of drafting bi-jural Canadian legislation after Sullivan (2002). The analysis of bilateral agreements has been carried out on the basis of Cosmai's (2003) taxonomy, that is to say: (i) transparent translations and calques, (ii) approximate equivalents and neutral terms, (iii) extreme fidelity to the source text, (iv) untranslated terminology/borrowings, (v) absence of consistency when expressing the same concept, (vi) drafting quality. The analysis is well-founded and the conclusions drawn are logical. The methods applied and interpretation of results are correct and the material is sufficiently illustrative.

Cornelis J.W. BAAIJ (*Translation in EU Legislative Procedure: A Receiver-Oriented Approach*) touches upon the receiver-oriented approach and source-oriented approach in the context of translation of EU legislation. The title seems to contradict the findings of the chapter according to which a receiver-oriented approach is rather unattainable due to a number of reasons listed by the author in his conclusions.

To sum up, quite a few chapters are substantial contributions, others confirm existing knowledge but due to the fact that they collate information spread in many sources they deserve attention and may help scholars investigating legal language and legal translation in their future enquiries. Methods are accurately described and the illustrative material is overall representative. Interpretation of results of surveys and other research results is correct. References are properly complied. The language of chapters is also of good quality with a very limited number of spelling errors. As four contributions deal with EU legislation the book could have been considered to be divided into three parts instead of two. In general, the volume constitutes a very valuable and inspiring position on a bookshelf.

Bibliography

- Cosmai, Domenico, 2003. *Tradurre per l'Unione Europea. Problematiche e strategie operative*. Milan: Hoepli.
- Del Arco Torres and Miguel Ángel (ed.). 2004. *Diccionario básico jurídico*. Granada: Comares.
- Krzeszowski, Tomasz P. 1990. The Axiological Aspect of Idealized Cognitive Models. In Tomaszczyk Jerzy, Lewandowska Barbara (eds) *Meaning and Lexicography*. Amsterdam: Benjamins, 135-165.
- Krzeszowski, Tomasz P. 1997. *Angels and Devils in Hell. Elements of Axiology in Semantics*. Warsaw: Energeia.
- Malinowski, Andrzej, 2006. *Polski język prawny*. Warszawa: LexisNexis.
- Sullivan, Ruth, 2002. *Sullivan and Drieger on the Construction of Statutes*. Toronto: Butterworths.